

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2010

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. Я ВОЗЬМУСЬ ЗА ЭТО ДЕЛО!
3. ПОШЛА ЯНКА НА ВОЙНУ
4. ДНЕВНИК ОФИЦИАЛЬНОГО НЕМАРКСИСТА
5. ДНЕВНИК
6. Я ПЕРЕСТАЛ БОЯТЬСЯ
7. НЕТИТУЛОВАННЫЙ ПОЭТ
8. ОСТАВАТЬСЯ АНТИИМПЕРЦАМИ...
9. ЗАЧЕМ ЕВРОПЕ КРАКОВ?
10. ПОЛЬША В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ СОЦИАЛЬНЫХ АНАЛИТИКОВ В ПЕТЕРБУРГЕ
11. ЖИЛИЩНАЯ РЕФОРМА ПО-ПОЛЬСКИ И ПО-РУССКИ
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
13. ПАМЯТНИК РАДИ ПРИМИРЕНИЯ
14. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
15. Я ВСЕ ЕЩЕ СЛЫШУ СТУК ЕГО ТРОСТИ

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «3 мая — один из самых важных праздников, праздник свободы. Именно в майской Конституции определены основы польской борьбы за независимость, которую предстояло вести еще больше ста лет: «Источник всякой власти человеческого общества есть воля народа» (...) В прошлом году президент Польши Лех Качинский, напоминая в связи с майским праздником, что двести с лишним лет назад была принята первая в Европе конституция, задал вопрос: «Кто это сделал? Мы, поляки (...) День 3 мая 1791 года был (...) большой победой тех, кто хотел сильного польского государства». Несмотря на национальный траур, последние недели (...) показали, что демократическое государство сильно как своими институтами, так и самоорганизацией своих граждан (...) Благодаря конституции, принятой в Третьей Речи Посполитой, мы сумели обеспечить чувство стабильности и преемственности государственной власти», — сказал Бронислав Коморовский, маршал Сейма, и.о. президента Польши. («Газета wyborcza», 30 апр. — 3 мая)

• «Годовщину принятия Конституции 3 мая праздновали в этом году без пушечных залпов (...) В связи со смоленской трагедией 3 мая отмечали сдержанно». («Жечпосполита», 22 апр.)

• «Вчера в 5.40 утра маршал Сейма Бронислав Коморовский подписал постановление о проведении выборов. Они пройдут (...) 20 июня. Возможный второй тур — 4 июля (...) До 6 мая у кандидатов есть время, чтобы собрать 100 тыс. подписей и зарегистрировать их в Государственной избирательной комиссии». («Жечпосполита», 22 апр.)

• Согласно опросу ГфК «Полония», проведенному 6–11 мая, каждый второй избиратель (41%) проголосует в первом туре президентских выборов за Бронислава Коморовского. Ярослав Качинский может рассчитывать на 28% голосов. Во втором туре поддержать кандидата «Гражданской платформы» (ГП) обещают 53% опрошенных, а кандидата «Права и справедливости» (Пис) — 34%. («Жечпосполита», 12 мая)

• Бронислав Коморовский: «Я хожу по минному полю, так как на меня возложена ответственность, связанная с двумя очень важными постами. Я стараюсь как можно лучше исполнять свои обязанности, а не вести предвыборную кампанию. Если бы я выступал в роли кандидата, то, наверное, позволил бы себе проявлять чувства. Иногда именно это нам больше всего нужно. Ведь и я потерял в этой катастрофе друзей. Однако кто-то должен организовать траур, чтобы другие могли его легче переживать. Кто-то должен следить за тем, чтобы государство функционировало более или менее нормально, несмотря на невзгоды и боль. Я не давал волю эмоциям, сосредоточившись на том, что нужно сделать (...) Мне было нелегко сдерживать эти эмоции. Однако после такой гекатомбы люди испытывают страх. Они ожидают, что найдется человек, который возьмет на себя часть ответственности за общую безопасность. Из опросов общественного мнения следует, что, вопреки утверждениям политических комментаторов, мои действия и поведение были оценены положительно. Я считал и продолжаю считать, что перед лицом столь огромной трагедии не следует играть никаких ролей». («Ньюсуик-Польша», 3 мая)

• «Бронислав Коморовский имеет огромное преимущество перед Ярославом Качинским: никто не может отказать ему в польскости, католицизме, серьезности. Более того, он может вписаться в принимаемую широкими массами модель президента всех поляков, в то время как Качинский может править только от имени «истинных поляков» и для них. Качинский — просто лидер национально-католической партии и не более того, между тем как Бронислав Коморовский приемлем почти для всех — он и «истинный поляк», и «нормальный поляк» в одном (...) Президент Лех Качинский верил, что, будучи избранным народом президентом, он может принимать все решения в соответствии с собственными убеждениями, опираясь на собственное понимание. У него не было чувства, что он на службе, что огромная часть его действий носит формально-правовой характер, и он должен предпринимать их на основании закона. Он верил, что в качестве народного избранника сам решает, под чем поставить свою подпись (...) Такие стандарты применялись в либеральных демократиях до 50-х или 60-х годов», — проф. Ян Хартман, Ягеллонский университет. («Пшеглэнд», 9 мая)

• «Краков. Лех Качинский и его супруга Мария упокоились в крипте вавельского кафедрального собора (...) Президент Медведев, прибывший в сопровождении российской делегации, зажег свечу перед портретами президентской четы у входа в церковь. В погребальной мессе участвовали также, в

частности, президенты Германии, Украины, Чехии, Литвы (...) В вавельском соборе гробы с телами Леха и Марии Качинских были помещены в пресбитерии перед коронационным алтарем польских королей. Там кардинал Дзивиш совершил богослужение — т.н. последнее стояние. После этого гробы были спущены в преддверие крипты под Башней Серебряных колоколов (...) В траурной церемонии в Кракове участвовали польские политики всех направлений. «Лех Качинский был президентом нашей родины (...) Быть сегодня здесь — наш долг», — говорит депутат Рышард Калиш из Союза демократических левых сил (СДЛС)». («Жечпосполита», 19 апр.)

- Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев: «Перед лицом тяжелых утрат мы можем приложить усилия для сближения позиций наших стран (...) Катынская трагедия — это преступление Сталина и ряда его приспешников (...) Будучи здесь, провожая президента Польши, мы прокладываем путь в будущее». («Впрост», 21 апр.)

- «В последний путь на Вавель президента провожало около 200 тыс. поляков. На субботнюю мессу за упокой жертв катастрофы на варшавскую площадь Пилсудского пришло около 100 тыс. человек (...) Память президентской четы, гробы которой были выставлены в Президентском дворце, почтило 180 тыс. человек со всей Польши. Им пришлось отстоять более чем десятичасовую очередь». («Жечпосполита», 19 апр.)

- «В воскресенье, когда в страну было доставлено тело президента Леха Качинского, похоронную процессию из аэропорта в Президентский дворец смотрело — если считать четыре главных (...) и три информационных телеканала (...) — 10,6 млн. зрителей (...) Субботнюю траурную церемонию в Варшаве смотрело 7,8 млн. зрителей, а краковские похороны президента Леха Качинского и Марии Качинской — 13 млн. человек. Похороны транслировали 17 телеканалов». («Газета wyborча», 26 апр.)

- 496 тонн свечей и цветов из-под Президентского дворца, т.е. более 150 грузовиков, было вывезено на свалку. («Жечпосполита», 20 апр.)

- «Реакцию поляков на смерть президента можно сравнить с реакцией англичан на смерть принцессы Дианы, а еще раньше — с реакцией аргентинцев на смерть Эвы Перон. Я думаю, что во всех этих случаях значение имели схожие факторы», — проф. Мартин Куля, Варшавский университет. («Газета wyborча», 31 апр.)

• «Я достаточно стар, чтобы знать, сколь длинными были очереди к гробу Болеслава Берута [президент ПНР в 1947–1952 гг.], и помнить, что слухи, которые тогда ширились, были почти такие же, как те, что распускаются сейчас», — проф. Ежи Шацкий, член Польской Академии наук. («Тыгодник повшехный», 2 мая)

• «Трагически погибший президент Лех Качинский за полтора десятка часов после смерти стал символом жертвенности, любви к родине, патриотизма, бескорыстности, всех личных и государственных добродетелей. Неудачник при жизни, победитель посмертно (...) Выбор сделал народ. Не кардинал Дзивиш провожал гроб Леха Качинского на Вавель. Не премьер Туск организовал гигантские процессии, и не Церковь придала огромный размах религиозным церемониям (...) Туск поступил разумно. Он понял, что его усилия по организации широкомасштабных мероприятий памяти его соперника не станут для него чем-то губительным (...) Туск обладает таким качеством как сопереживание обществу», — Ян Рокита, политик, юрист, философ, историк Церкви. («Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)

• «Появился очередной народный герой. А почему он герой? Потому что его погребли в том, а не ином месте. Если бы его погребли на Повонзках [варшавское кладбище], он был бы героем малого калибра, незаметным [как Станислав Войцеховский, президент Польши в 1922–1926 гг. — В.К.] (...) В целом мейнстрим «Права и справедливости» соответствует настроениям более 50% поляков (...) Они очень сильно отождествляют себя с народом, семья для них — святое, а современное состояние общества их не заботит (...) Поляки отделяют светские дела государства от несветских и даже священных дел народа (...) С Лехом Качинским будет то же самое, что с Лехом Валенсой. С одной стороны — легенда, с другой — вечная неуверенность, как было на самом деле», — проф. Януш Чапинский, Варшавский университет. («Пшеглэнд», 25 апр.)

• «Вавель продолжает вносить раздор (...) Был ли некрополь королей, великих национальных поэтов и Юзефа Пилсудского подходящим местом для погребения президента? (...) По мнению 41% опрошенных — да. Но 48% считают иначе». Опрос Лаборатории социологических исследований. («Газета wyborча», 29 апр.)

• «Как объяснил кардинал Дзивиш, Лех Качинский должен упокоиться вместе с отличившимися перед родиной, поскольку

сам он героически погиб, летя в Катынь, чтобы почтить память мучеников». («Жечпосполита», 20 апр.)

- «Через несколько лет школьные экскурсии, посещающие собор и «катынскую крипту», будут выносить оттуда убеждение, что президента Качинского убил НКВД по приказу Сталина и Берии, а Мария Качинская — та единственная женщина, погибшая в Катыни, (...) о которой премьер Туск рассказывал Путину». (Ян Видацкий, «Пшеглэнд», 9 мая)

- ««Создается новая трилогия: 1920 г., 1940 г. и 2010 г.», — провозгласил на проповеди архиепископ Генрик Хосер во время мессы за жертв». (Адам Шосткевич, «Политика», 1 мая)

- «Фрагмент крыла президентского самолета, разбившегося под Смоленском, станет частью новой ризы иконы Богоматери на Ясной горе в Ченстохове (...) «Этот обломок самолета, который упал 10 апреля, будет включен в Твою ризу, ризу благодарности и любви, страдания и надежды польского народа», — сказал отец Роман Маевский, настоятель монастыря на Ясной горе, во время молитвы в часовне Богоматери». («Польска», 29 апр.)

- «Мы осознали (...) что траурные фиолетовые орнаты епископов прекрасно гармонируют с бело-красными флагами (...) Мы сообща дали согласие на то, что к отделению Церкви от государства нельзя относиться слишком серьезно, — как раз наоборот (...) Величественность похоронной церемонии в вавельском соборе привела к тому, что протесты против Закона Божия в школе и присутствия распятий в классных комнатах утратили всякий смысл». (Доминик Здорт, «Жечпосполита», 20 апр.)

- «Погибли 96 человек, множество выдающихся личностей, много тех, кого мы не знали, что не уменьшает их трагедии. А мы, к сожалению, делим этих погибших на менее и более важных. На вершине этой пирамиды — президент и его супруга, затем популярные политики, а где-то в конце — безымянные: сотрудники Бюро охраны президента, пилоты, стюардессы, катынские семьи, сопровождающие лица. Я считаю, что перед лицом такой трагедии все погибшие должны быть вместе. Мы могли показать, как демократична смерть. Мы могли показать, что человеческое страдание и ценность жизни везде одинаковы, несмотря на то, какой пост занимал покойный. То был бы урок христианства и солидарности. Но ничего подобного не случилось», — Агнешка Холланд, режиссер. («Газета wyborча», 17–18 апр.)

- «Воеводы выплатили пособия (...) семьям жертв катастрофы президентского самолета. Каждая из них получила 40 тыс. злотых. Правительство выделило на эту цель 3,8 млн. злотых. Правительство покрывает также расходы на похороны погибших в катастрофе самолета. Совет министров предназначил на это 20 млн. злотых. Координаторы, назначенные воеводами, оказывают помощь всем лицам, которых коснулась трагедия». («Дзенник — Газета правна», 20 апр.)
- «Эта катастрофа показывает невероятное отсутствие профессионализма в действиях служб нашего государства. Можно задуматься, почему так получается. По нашему мнению, потому, что в течение 20 лет каждая смена правительства сопровождается кадровой революцией в различных государственных институтах. Поэтому в них заняты люди без опыта, отвечающие за вопросы, на которые их компетентности и опыта не хватает», — депутат Владимир Цимошевич, бывший премьер-министр. («Польска», 4 мая)
- «Мы излишне рисковали — как минимум, по пяти показателям: совместный полет столь большой группы лиц, ответственных за государство (в т.ч. за вооруженные силы), на самолете минувшей технологической эпохи, приземление на полувоенном аэродроме без запасного плана и без запаса времени. Такого полета не должно было быть, даже если бы он прошел без проблем (...) Подвело то, что во всем мире называется культурой национальной безопасности», — Гжегож Костшева-Зорбас, политолог. («Дзенник — Газета правна», 29 апр.)
- Согласно опросу ARC «Рынок и мнение», действия польских властей после смоленской катастрофы оценивают положительно 40% поляков, а 46% позитивно высказываются о действиях российских властей. Отрицательное мнение о действиях польского правительства выражают 26% поляков, а о действиях российского — 22%. Среди приверженцев ГП положительную оценку польскому правительству дает 71% опрошенных, а 73% позитивно оценивает действия российских властей. Отрицательного мнения придерживаются менее 10%. Среди избирателей Пис 42% плохо оценивают действия российских властей, а 55% негативно оценивают действия польского правительства. Положительную оценку польской стороне дают 15% сторонников Пис, а российской стороне — 23%. («Польска», 5 мая)
- «Национальный траур, телевизионные обращения президента Медведева и премьер-министра Путина,

молниеносное создание комиссии по расследованию причин катастрофы, четко организованная перевозка тел и их опознание, полная открытость Москвы, допуск поляков к следствию, повторный показ по общероссийскому телевидению фильма «Катынь» Анджея Вайды [всего его посмотрело 28 млн. российских зрителей]. Это уже не прежняя Россия — закрытая, подозрительная и недоверчивая к чужим (...) После крови, пролившейся под Смоленском, и всех жестов примирения ни россияне, ни поляки уже не могут вернуться к прежним антагонизмам. Тем более, что это не лежит ни в наших, ни в их интересах». (Анджей Талага, «Дзенник — Газета правна», 16 апр.)

- «Федеральная архивная служба России разместила на своем сайте документы, касающиеся катынского преступления, которые свидетельствуют о том, что его совершил НКВД по приказу Сталина (...) Вчера сайт российских архивов был осажден пользователями — к концу дня число просмотревших катынские документы составило 2 млн. человек». («Газета wyborcza», 29 апр.)

- «7 апреля был освящен фундамент православного храма в Катыни. По подсчетам, кроме 4,5 тыс. поляков, там покоятся также 6,4 тыс. российских жертв репрессий», — игумен Филипп, заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. («Жечпосполита», 19 апр.)

- «Когда «неизвестные» побили в Москве моего коллегу, журналиста Павла Решку, я жил в этом городе и всерьез размышлял, не отправить ли в Польшу мою жену и дочерей. Атмосфера неприязни ко всему польскому была столь сильна, что мой знакомый бизнесмен боялся разговаривать на улице по мобильному телефону, не желая, чтобы кто-нибудь услышал, что он поляк. Если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что через пять лет прокремлевская молодежная организация «Наши» будет проводить перед посольством Польши акцию памяти польского президента — я бы точно не поверил (...) «Ведь организация «Наши», которая сегодня призывает почтить память Леха Качинского, еще недавно сравнивала его с Адольфом Гитлером», — сказала публицистка Валерия Новодворская», — Гжегож Слюборовский. («Впрост», 25 апр.)

- «Редко случается, чтобы положительные чувства по отношению к Польше и полякам проявлялись в таком масштабе и с такой силой. Как будто плотину прорвало. Люди не обращают внимания на то, как это будет оценено. Они проявляют по отношению к Польше и полякам невероятную сердечность. У них есть чувство, что это общая трагедия, общая

боль (...) В Польше бытует мнение, что современная Россия — это прежний СССР, только под другим названием. Продолжение того, что было (...) Россия — это преемственность, продолжение, но и что-то совершенно новое. Каждое поколение создает государство в соответствии с собственными представлениями, но в то же время несет на себе бремя истории (...) Сегодня российское общество находится в поисках своего пути. Лишь новые поколения могут построить новую Россию (...) Я верю, что эта новая Россия будет полностью готова примириться с Польшей», — проф. Адам Даниэль Ротфельд, сопредседатель польско-российской Группы по трудным вопросам, бывший министр иностранных дел. («Жечпосполита», 16 апр.)

- «Архиепископ Юзеф Михалик (...) председатель Епископата Польши, трогательно говорил о сближении между поляками и россиянами: «О доброжелательности и чуткости русских людей мы знали давно, но в Смоленске всему этому вторила трогательная сердечность и помощь высших российских лидеров. Они первыми поспешили туда с помощью». И поблагодарил россиян “за большую доброжелательность и помощь, оказанную в Москве семьям погибших”». («Газета wyborча», 21 апр.)

- «К профилю «Примирение и память», созданному несколькими молодыми поляками на «Фейсбуке», присоединяются люди, которые 9 мая хотят организовать акцию памяти на советских воинских кладбищах. Несколько десятков художников, ученых, публицистов и политиков подписали в сети открытое письмо о примирении. «После смоленской катастрофы 10 апреля 2010 г. российский народ искренне и трогательно выразил свою солидарность с польским народом (...) В знак признательности за эту солидарность 9 мая мы хотим зажечь свечи на кладбищах советских солдат, на могилах русских и представителей других национальностей, которые погибли вдали от дома и близких»». («Газета wyborча», 5 мая)

- Согласно опросу московского Левада-Центра, «30% российских граждан считают, что катастрофа в Смоленске сблизит наши народы, а 34% — что не повлияет на наши взаимоотношения. 19% полагают, что падение президентского Ту 154 разобьет поляков и россиян еще больше, потому что мы будем обвинять в трагедии соседей». («Газета wyborча», 28 апр.)

- «Осквернение памятника советским солдатам в Олеснице — это позор и глупость (...) Акты вандализма по отношению к

памятникам советским солдатам случались в Польше редко — в последний раз пять лет назад. Можно только надеяться, что местные власти в Олеснице сразу же устранили последствия инцидента. Поляки часто ожидают от других народов — также от россиян — понимания нашей исторической чувствительности. Но мы и сами должны проявлять его по отношению к другим». («Газета wyborcza», 29 апр.)

- «Полиция задержала троих мужчин, которые осквернили в Олеснице памятник Польско-русскому братству по оружию». («Жечпосполита», 7 мая)

- «15 лет назад о. Юзеф Миколаец предложил приходскому совету в Богушице, чтобы крестный путь в годовщину резни 1945 г. начался на «русском кладбище», перед памятником солдатам Красной Армии. Он предложил это людям, чьи семьи пережили погром, когда в течение двух дней красноармейцы убили около трехсот силезцев (...) Стояния крестного пути были расположены в деревне на местах убийств. Люди плакали. Но к памятнику пришли не все (...) Сначала, когда нужно было произнести молитву за «русов», как силезцы называют русских, — люди молчали (...) О. Миколаец: «Я хотел бы опубликовать воспоминания моих прихожан, но не все из них согласны. В течение 50 лет они боялись говорить о том, что пережили, и в некоторых все еще сидит этот страх. А может, просто огромная боль... (...) Вот уже 15 лет школьники вместе со своими семьями убирают кладбище (...) Никогда ни одна бабушка или дедушка не протестовали, когда дети шли убирать советские могилы. А ведь если бы они продолжали ненавидеть, наверняка не соглашались бы на это». («Газета wyborcza», 6 мая)

- «Мы, поляки, ценим действия россиян в последние годы. Мы должны идти по пути сближения наших народов и дальше, не останавливаясь и не оглядываясь назад», — президент Лех Качинский. Отрывок из речи, которую он должен был произнести 10 апреля на Польском воинском кладбище в Катыни. («Газета wyborcza», 13 апр.)

- «Примирение — это лишь вопрос времени. Нам известно, что процесс десталинизации идет в России медленно, и нам известно, почему он не может идти быстрее. Но я думаю, что эта трагедия ускорит процесс примирения», — проф. Ежи Шацкий, член Польской Академии наук. («Газета wyborcza», 13 апр.)

- «Реакция России на эту трагедию показывает, насколько искусственными были прежние споры. С одной стороны, мы имели дело с категорическим отказом признать исторические

факты, с другой — с постоянным подогреванием исторических споров (...) Теперь ситуация изменилась (...) У власти с обеих сторон будут люди, которые всё это пережили. На каждой встрече, в каждом споре друг против друга станут люди, объединенные общей трагедией, причем трагедией совсем близкой (...) Трагедией, которую эти люди пережили лично и просто не могут ни бежать от нее, ни забыть о ней. Трагедией, которая не связана с виной какого-либо государства (...) Российский премьер-министр был на месте, видел это собственными глазами. Его всегда называли холодным человеком (...) Но сейчас мы видим что-то совсем другое. И этот человеческий фактор останется в наших отношениях», — Сергей Бунтман, заместитель главного редактора радио «Эхо Москвы». («Жечпосполита», 13 апр.)

• «Министр иностранных дел России Сергей Лавров, выступая в четверг в Совете Европы, выразил мнение, что переживаемая в России и в Польше трагедия под Смоленском станет поворотным моментом в преодолении общего трагического прошлого». («Польска», 30 апр. — 3 мая)

• «СССР был очень сложным государством, и, если говорить прямо, тот режим, который сложился в Советском Союзе по окончании известных событий, иначе как тоталитарным назвать нельзя, — сказал Дмитрий Медведев. — (...) Это был режим, при котором подавлялись элементарные права и свободы» (...) Президент признал, что в деле Катыни Россия фальсифицировала историю. «Наши люди и иностранцы должны окончательно узнать правду»». («Газета wyborcza», 8–9 мая, по материалам «Известий»).

• «Россия должна учитывать, что однажды она останется наедине с Китаем на востоке и с ЕС на западе (...) Присоединение России к западному сообществу (о чем политики говорят все чаще) кажется очевидным, но дастся оно нелегко (...) Чтобы у Путина и Медведева получилась стратегически необходимая вестернизация, они должны изменить сознание россиян. Борьба с катынской ложью — прекрасный инструмент такого изменения (...) Наше возвращение на московский парад тоже способствует этому процессу, ибо показывает россиянам, что все идет хорошо, когда мы идем вместе (...) Если всё получится, то проступающий в настоящий момент новый миропорядок, который окончательно перечеркнет ялтинско-потсдамский, застанет Россию на нашей — западной — стороне. То есть там, где она наверняка предпочла бы оказаться. И где мы предпочли бы ее видеть». (Яцек Жаковский, «Политика», 8 мая)

- «Впервые с 1945 года польские солдаты маршировали по Красной площади. В ходе парада в честь 65 й годовщины окончания войны поляки маршировали вместе с россиянами, солдатами из СНГ, англичанами, американцами и французами (...) Президент Дмитрий Медведев, обращаясь к собравшимся с почетной трибуны, подчеркнул: «Только вместе мы можем противостоять современным угрозам. Только на основе добрососедства решать проблемы глобальной безопасности». («Жечпосполита», 10 мая)

- «Заметьте, что в конце оркестры совместно сыграли (...) «Оду к радости» — гимн Европы. По моему мнению, это был символический жест. Это показывает, в какую сторону страна хочет идти, или, по крайней мере, в какую сторону власть хочет вести эту страну», — Станислав Цёсек, бывший посол Польши в России. («Польска», 10 мая)

- «Эти 67 томов процессуальной документации уже были предоставлены нашим историкам (...) Теперь они не должны будут ездить в Москву, чтобы ими пользоваться (...) Значительно важнее, по моему мнению, обещание Медведева, что вскоре будут обнародованы и другие документы (...) Мы ожидаем от россиян прежде всего снятия грифа секретности со 116 томов следственных материалов Главной военной прокуратуры, касающихся Катыни, которых мы до сих пор в глаза не видели. И, во-вторых, передачи нам нескольких до сих пор отсутствующих основных документов, касающихся катынского преступления. Например, т.н. белорусского списка или протоколов т.н. Центральной тройки НКВД, осуществлявшей надзор над катынским преступлением», — проф. Войцех Матерский, директор Института политических исследований Польской Академии наук, член польско-российской Группы по трудным вопросам. («Жечпосполита», 10 мая)

- «В субботу в польском посольстве в Москве и.о. президента Бронислав Коморовский дал прием в честь русских друзей. Главным пунктом программы было вручение государственных наград российским гражданам, в т.ч. деятелям Полонии из Смоленска, за заслуги в деле раскрытия правды о катынском преступлении. Награждены были также милиционеры, пожарные, спасатели, психологи и врачи, работавшие на месте катастрофы президентского самолета и помогавшие в опознании тел. Государственные награды, присужденные еще президентом Лехом Качинским, получили деятели общества «Мемориал» и военный прокурор на пенсии Александр Третецкий, который в начале 90 х вел следствие по делу об

убийстве польских офицеров (...) Вчера польская делегация (кроме Коморовского, в нее входили, в частности, генерал Войцех Ярузельский, начальник Бюро национальной безопасности генерал Станислав Козей и режиссер Анджей Вайда) (...) возложила цветы на месте катастрофы под Смоленском, а также на кладбище польских офицеров в Катини и перед православным крестом, увековечивающим память жертв сталинских репрессий (...) На границе Смоленской области маршала польского Сейма хлебом и солью встречал местный губернатор Сергей Антуфьев». («Газета выборча», 10 апр.)

• 9 мая «никто не считал, сколько поляков пришло на советские кладбища. Главное, что на каждом — у памятников, у могил — зажглись свечи, а чьи-то руки возложили цветы (...) Свечи зажгли и силезцы из опольских деревень Богушице и Фольварк, дети и внуки 300 человек, убитых советскими солдатами в январе 1945 года (...) С другой стороны дороги — памятная плита немецким солдатам, погибшим на фронте. Там тоже лежат цветы. В том числе три красные гвоздики от Андрея и Ирины Майстренко из Харькова и их шестилетнего сына Михаила (...) Информация о польской акции «Огонек для русских» молниеносно разнеслась за восточной границей. Растроганные россияне пишут организаторам акции письма, присоединяются к профилю «Примирение и память» на «Фейсбуке»». (Александра Клих, «Газета выборча», 10 мая)

• «Только от воли случая зависело, кто попал в армию Андерса, а кто — в армию Берлинга. Поляков, попавших в оба этих создававшихся на территории СССР соединения, набирали в основном из жертв депортаций 1940–1941 гг. (...) По оценкам специалистов, количество депортированных составляло около 600 тыс. человек (...) Более 110 тысяч [бойцов армии генерала Владислава Андерса] в 1942 г. (...) было переброшено в Иран, а затем в Ирак (...) В конце апреля 1943 г. было принято решение о создании в СССР 1-й пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко под командованием генерала Зигмунта Берлинга. (...) В начале мая 1945 г. воевавшие на стороне Красной Армии польские вооруженные силы насчитывали почти 400 тыс. человек (...) В последние годы солдаты, шедшие с востока вместе с советской армией, чрезвычайно редко могли рассчитывать на награды. Они — ветераны худшей категории (...) Им отказывают в признании, что и они боролись за независимость, так как они воевали на стороне Красной Армии». (Кшиштоф Пилявский, «Пшеглэнд», 9 мая)

• «Часть публицистов представляет ПНР в виде некоего нереального молоха. А ведь в 60-е годы это государство уже не было террористической организацией, как во времена сталинизма. Между тем именно так его подчас изображают — как крайне идеологический и крайне репрессивный механизм (...) Конечно, это была диктатура, неправовое государство. Однако для большинства поляков ПНР в середине своего существования была государством неудобным, но терпимым (...) Не будем сводить ПНР к двум периодам: 1945–1948 гг. и военного положения (...) Я не считаю коммунизм чем-то чуждым, импортированным агентурой (...) Он был плохой, крайней, но интегральной частью польской политической культуры. Он присутствовал во всех обществах того времени, хотя следует признать, что это было проявление идеологического безумия», — проф. Анджей Фришке, Варшавский университет. («Польска», 27–28 марта)

• «Моей Польши уже не существует. Моя Польша говорила по-польски, по-белорусски и по-украински. По улицам моей Польши ходили евреи (...) Ведь настоящая Польша долгие века была совершенно антинационалистическим, многонациональным образованием (...) Лишь в конце XIX в. под влиянием националистических европейских течений (в основном немецких и итальянских) появилась новая концепция, новая картина Польши — Польша одного народа, государства, состоящего только из поляков и служащего лишь полякам», — Збигнев С. Семашко, бывший ссыльный, военный, инженер, историк и публицист, эмигрант. Был постоянным сотрудником парижской «Культуры». («Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)

• «Первая годовщина без Марека Эдельмана (...) Впервые мы праздновали годовщину восстания в варшавском гетто без последнего его руководителя. Вчера исполнилось 67 лет со дня еврейского героического порыва. Восстание вспыхнуло 19 апреля 1943 года (...) На борьбу (...) поднялось менее 800 слабо вооруженных повстанцев. Немцы выставили против них 2 тыс. прекрасно экипированных солдат и полицейских». («Газета wyborча», 20 апр.)

• «На литовской авиабазе в Зокняй приземлились четыре польских истребителя МиГ 29. В рамках миссии НАТО они возьмут на себя охрану воздушного пространства прибалтийских государств». («Жечпосполита», 29 апр.)

• «Белорусские судебные исполнители вошли в квартиру председателя Союза поляков Белоруссии Анжелики Борис, чтобы составить опись ее имущества в связи с наложением на

нее судом штрафа. Польский МИД заявил в белорусском посольстве в Варшаве о готовности заплатить штраф от имени Борис». («Впрост», 18 апр.)

- «Белоруссия была единственным соседом России, который после смоленской катастрофы не объявил национального траура (...) Лукашенко вместе со своим сыном зажег свечу перед портретом Леха Качинского (...) Президент Белоруссии дал распоряжение государственным СМИ отказаться от показа развлекательных программ во время похорон президента Польши. Белорусское телевидение показало в эти часы, в частности, «Катынь» с белорусским дубляжем». («Жечпосполита», 19 апр.)

- «Прокуроры из Белостока и Люблина передали Минску личные данные нескольких сотен граждан Белоруссии, которые совершали покупки в Польше и возвращали себе на границе НДС в рамках т.н. такс-фри (...) Их вызывают на допросы, налагают на них дополнительные штрафы, налоги и пошлину, которые в некоторых случаях достигают почти 100 тыс. долларов. Вызванные в белорусское КГБ, они ставятся перед выбором: платить или согласиться на сотрудничество (...) Отношение польских судов и прокуратур приводит к тому, что белорусские политические беженцы начинают избегать Польши. Они опасаются, что на основании сфабрикованных белорусскими службами обвинений к ним может быть применен арест с экстрадицией. Они чаще выбирают Чехию, Литву, Латвию или Эстонию». (Эльжбета Полудник, «Впрост», 18 апр.)

- Суммы, предназначенные в 2010 г. польским МИДом на помощь другим странам: Афганистан — 35 млн. зл., Белоруссия — около 24 млн., Украина — 13,6 млн., Грузия — 7 млн., Молдавия — 2 млн., Палестинская автономия — 1,5 млн., Ангола — 1 млн. злотых. Это лишь малая доля по сравнению с тем, что делают неправительственные организации, органы местного самоуправления и исследовательские институты. («Газета wyborcza», 6 апр.)

- «В люблинских пекарнях ежедневно пропадают сотни буханок хлеба. Магазины платят пекарням только за проданный хлеб, остальное возвращают (...) Единственными потребителями такого хлеба становятся животноводы, разводящие пушных зверей. Согласно европейским нормам, только таким животным можно давать старый хлеб (...) В Люблине в кухне св. Брата Альберта ежедневно ожидают своего куска хлеба 300–500 самых бедных жителей города». («Польска», 30 апр. — 3 мая)

• «Библия и медальон — эти подарки на первое причастие уходят в прошлое. Какое-то время назад их заменили электронные приборы. А также багги (...) Если ноутбук — то обязательно «Apple» и белого цвета (...) Мобильные телефоны должны быть цветными (...) Новинкой этого года в категории подарков на первое причастие стали мониторы LCD со встроенным телетюнером (...) Вместо традиционных велосипедов появились квадроциклы (...) В этом году хитом на первое причастие стал багги — открытый внедорожник с легкой конструкцией, приспособленный для езды по пересеченной местности (...) Вместо Библии дарят коллекционные монеты с портретом Иоанна Павла II. Серебряная, номиналом 10 злотых, стоит 350 зл., золотая, номиналом 100 зл., — 1490 зл. и больше». (Патриция Отто, «Дзенник — газета правна», 15 апр.)

• «“Кроликов (...) покупают в качестве домашних игрушек. Но относятся к ним хуже, чем к кошкам и собакам (...) После праздников Рождества и Пасхи временные приюты переполнены”, — говорит Катажина Надровская, член Общества помощи кроликам (...) «У меня были кролики, найденные в лесу, на лестничной клетке, в закрытой коробке на морозе. Сейчас мы занимаемся крольчатами, выкупленными у владельца террариума (...) Когда появляется новый дом, мы делаем все возможное, чтобы животное попало туда как можно скорее», — говорит Ивона Коссовская, председатель ОПК. Михал Кухарский, зампред ОПК, рассказывает: “Недавно во время проверки в магазине на вопрос, почему у кроликов нет воды, продавец ответил, что если им хочется пить, то они слизывают капли, оседающие на стенках аквариума (...) На Интернет-аукционах кролики продаются как живой корм для змей (...) На кроликах до сих пор тестируют ингредиенты косметических средств. Это, в частности, тесты на переносимость слизистых оболочек и кожное раздражение. Тестируемые кролики содержатся в специальных клетках, которые ограничивают их движения, а специальные повязки или воротники препятствуют вылизыванию или расчесыванию ран”». (Агата Бялоховская, «Политика», 17 апр.)

• «За месяц зарплаты на предприятиях выросли в среднем на 6,2% (...) По данным, обнародованным вчера Главным статистическим управлением (ГСУ), в годовом масштабе зарплаты увеличились на 4,8% (...) Инфляция в марте составила 2,6%. С ростом зарплат замедлился рост безработицы». («Дзенник — Газета правна», 20 апр.)

- «Уровень безработицы упал в апреле до 12,3% с 12,9% в марте, сообщила замминистра труда Чеслава Островская. В официальном коммюнике министерство уведомило, что число безработных составило в апреле (...) 1975,7 тыс. человек и по сравнению с мартом уменьшилось на 101 тыс. человек (на 4,9%)». («Польска», 11 мая)

- «По данным ГСУ, из почти 16 млн. работающих поляков 11 млн. остаются на работе после окончания рабочего дня. Каждый десятый из них не довольствуется одним рабочим местом и ищет дополнительные возможности заработать (...) Год назад, согласно отчету Интерактивного института рыночных исследований, меньше 40% респондентов были недовольны своей работой. Сегодня их больше 50% (согласно отчету фирмы Седляк & Седляк) (...) Производительность труда составляет 65% от средней по ЕС. По данным Евростата, в прошлом году она была ниже, чем в Словении и Чехии». («Дзенник — Газета правна», 30 апр. — 3 мая)

- «Польские предприятия — в гораздо лучшей форме, чем ожидали экономисты. В марте они продали на 12% больше товаров, чем год назад. Производство достигло наивысшего уровня в истории, значительно выше, чем до начала экономического кризиса (...) Часть аналитиков улучшает прогнозы. По их мнению, в первом квартале польская экономика развивалась в темпе не 2,6–2,7%, а 3%». («Жечпосполита», 21 апр.)

- «В начале 90-х в стране насчитывалось 1666 госхозов, на которых висел гигантский двухмиллиардный долг. Сегодня 80% доходов сельского хозяйства в Польше вырабатывают хозяйства площадью более 50 га. В стране действует также более 150 фермерских предприятий, в распоряжении каждого из которых 2,5 тыс. га. (...) Для крестьян, владеющих маленькими хозяйствами, эти новые помещики стали примером для подражания. Они приходят к ним за советом: какие семена выбрать, в какую технику вкладывать деньги, где искать рынки сбыта (...) Польская деревня изменяется быстрее, чем кажется. В частности, благодаря приватизации». (Рафал Геремек, «Ньюсуик-Польша», 3 мая)

- «Управление государственных лесов сообщает, что не может отказаться от вырубki Беловежской пуши, так как заключило контракты на древесину. Тем самым они признают, что последний первобытный лес Европы погибает просто ради денег». (Адам Вайрак, «Газета wyborча», 27 апр.)

- «Трехпалый дятел — самый редкий в Европе (...) Для жизни ему нужны засыхающие и мертвые деревья, особенно ели (...) Для лесников такие ели — рассадник короедов (...) Их безжалостно вырубает. А это означает борьбу не на жизнь, а на смерть с трехпалым дятлом (...) Оставим ему и многим другим видам, связанным с первобытным лесом, хоть какие-то островки, в том числе Беловежскую пушчу». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 20 апр.)

- «Я назвал свою книгу «Самое опасное животное», ибо homo sapiens — это, без сомнения, самый опасный вид на земле (...) Взрыв очередного мирового конфликта кажется как нельзя более возможным: ресурсы истощаются, а людей всё больше», — проф. Дэвид Ливингстон Смит, Университет Нью-Ингленд. («Политика», 8 мая)

- «По оценкам экспертов, наша страна может обладать одним из крупнейших запасов т.н. сланцевого газа в Европе. Он залегает на глубине до 4 тыс. м (...) Концессии на бурение скважин с целью оценки ресурсов уже распределены, а работы начаты (...) Под поверхностью нашей страны может находиться около 4 трлн. кубометров этого топлива (...) Для сравнения — уже исследованные польские месторождения природного газа оцениваются в 96 млрд. кубометров. Специалисты подсчитали, что нам хватит газа еще на 27 лет. В настоящий момент Польша тратит около 14 млрд. кубометров газа в год, из которых менее 4 млрд. добываются из собственных ресурсов. Остальное мы покупаем у России». («Польша», 5 мая)

- «Меньше сланцевого газа (...) Как подсчитал Государственный геологический институт, запасы сланцевого газа составляют около 10 млрд. кубометров». («Дзенник — Газета правна», 10 мая)

- «Министерство экономики объявило вчера, что подписание газового договора с Россией откладывается до момента разъяснения всех сомнений Еврокомиссии». («Газета wyborcza», 6 мая)

- «Договор, ставящий нас в зависимость от «Газпрома» до 2037 г. (!), противоречит рекомендациям Евросоюза. Они позволяют получать от одного поставщика максимум треть всех поставок стратегического сырья», — проф. Ежи Помяновский. («Польша», 22 апр.)

- «Министерство экономики не желает информировать общественность, удалось ли ему убедить Брюссель поддержать газовый договор с Россией (...) Как прошли вчерашние

переговоры? «Без комментариев», — сказал Збигнев Кайдановский из пресс-бюро министерства экономики. Молчит и Брюссель. «На встрече с польской стороной было решено, что, к сожалению, мы не можем комментировать ни хода переговоров, ни принятых на них решений», — сказала пресс-секретарь Еврокомиссии Марлен Хольцнер». («Газета wyborcza», 11 мая)

- «Беда Польши заключается в том, что предвыборная кампания у нас не прекращается. Временами она интенсифицируется, но никогда не останавливается. Что хуже всего — так это то, что она снова обострится, ведь вскорости после президентских будут выборы в местные органы самоуправления, а потом самые важные — парламентские. В результате политика сводится в основном к тому, чтобы завоевать власть, а если она уже есть, удержать ее», — проф. Гжегож В. Колодко, бывший министр финансов. («Пшеглэнд», 16 мая)

- Поддержка партий: ГП — 45%, ПиС — 36%, СДЛС — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. Опрос ГфК «Полония» от 6-10 мая. («Жечпосполита», 12 мая)

- «Деление на сторонников сохранения Третьей Речи Посполитой и построения новой, Четвертой Речи Посполитой, которую предлагают Качинские, имеет, в частности, ту черту, что последние думают о стране в аксиологических категориях: честность, жертвенность, справедливость. Приверженцы Третьей РП думают в категориях прагматических: что нужно сделать, чтобы разные институты лучше функционировали, чтобы сократить время регистрации новых фирм и т.д. (...) Брониславу Коморовскому ставят в упрек не слишком большую дозу сочувствия, то обстоятельство, что он слишком техничен в своих высказываниях, но большинству сторонников Третьей РП это ничуть не мешает», — проф. Януш Чапинский, социальный психолог, Варшавский университет. («Польска», 30 апр. — 3 мая)

- «Вместо того чтобы убывать, в Польше прибывает чиновников. С начала правления коалиции ГП-ПСЛ занятость в администрации выросла на 10%». («Жечпосполита», 10-11 апр.)

- «Чтобы зарегистрировать избирательный комитет, необходимо собрать 100 тыс. подписей, так что, подсчитывая и проверяя их, Государственная избирательная комиссия пересчитает чуть больше, чем эти 100 тысяч [ПиС собрал 1,65 млн.]. Остальными она не будет заниматься (...) Сколько тонн впустую потраченной бумаги должна будет перемолоть

бракомолка ГИК?» (Юзефа Хеннелёва, «Тыгодник повшехный», 16 мая)

• «Прочитанная пресса поможет кошкам. Избавьтесь от прочитанной прессы и помогите животным — призывают сотрудники «Котерии», центра помощи городским кошкам на Каленской ул., 3 в Варшаве. Макулатура — это хорошая выстилка клеток для кошек (...) поэтому в центре пойдет в ход любое ее количество. Лучше всего подойдет газетная бумага». («Польска», 22 апр.)

Я ВОЗЬМУСЬ ЗА ЭТО ДЕЛО!

8 мая 2010 г. и.о. президента Республики Польша, маршал Сейма Бронислав Коморовский на приеме в польском посольстве в Москве вручил генералу Александру Третецкому командорский крест ордена «За заслуги». Но этому предшествовала долгая история...

Александр Третецкий был первым прокурором из Главной военной прокуратуры СССР, который в 1990 г. расследовал катынское дело. Эксгумация могил в Медном осуществлялась под его личным контролем, он не покидал это место ни на минуту, опасаясь, чтобы кто-нибудь не помешал проведению работ. Он принимал меры, когда при странных обстоятельствах выходила из строя землеройная техника и когда КГБ пыталось под предлогом «нестабильной ситуации» во время путча Янаева склонить исследовательскую группу к прекращению работ.

— Вот взгляните, — он демонстрирует ксерокопии российских газет, датированных августом 1991-го, когда проводилась эксгумация общих могил польских офицеров в Медном. — Здесь всё написано, ни у кого не было никаких сомнений относительно виновников преступления. И вдруг мы возвращаемся к старым вопросам. Это подобно тому, как если бы снова задавать вопрос, точно ли Земля круглая, — говорит Третецкий. — Мы выполнили свою работу, мы доказали, что это было преступление НКВД, и слушать не хочу всю эту чушь о том, что это сделали фашисты.

Он считает, что российские власти должны решиться назвать вещи своими именами. Необходимо дать правовую оценку: это было военное преступление — чтобы заткнуть рот всем тем, кто пытается поставить под сомнение факты.

— Истина не рождается в спорах. Истина вечна, — говорит твердым голосом Третецкий. По старому паспорту он украинец, родившийся на Амуре, но в его жилах течет кровь трех народов — украинского, русского и польского. 62-летний Третецкий вот уже несколько лет на пенсии, но по-прежнему преподает право в одном из московских вузов. У него все та же офицерская выправка, он стройный, худощавый. Скромный и одновременно элегантный. Когда в сентябре 1990 г. его вызвал к себе начальник, он как раз заканчивал важное следствие по делу о расстреле армией взбунтовавшихся рабочих в

Новочеркасске в 1962 году. — «У нас тут есть дело, касающееся польских военнопленных», — сказал начальник и спросил, кому бы его можно отдать, я ответил, что подумаю. Вышел от него, но, не дойдя до своего кабинета и развернувшись на пятке посреди коридора, я зашагал обратно, почувствовав, что это мое дело. Уже тогда я знал, что за расстрелом поляков стояло НКВД. «Я возьмусь за это дело», — сказал я, — вспоминает Третецкий.

Офицерская честь

В 2002 г. в письме президенту Польши Юрий Шумейко, который во время эксгумации был откомандирован Генеральным штабом СССР в Харьков и Медное и вместе с Третецким возглавил следственную группу, писал: «Летом 1991 года (вместе с Третецким. — Ю.П.) мы решили сделать все возможное и даже невозможное (а трудности были серьезные), чтобы установить правду (...). Мы руководствовались офицерской солидарностью, уважением к расстрелянным польским офицерам и к их семьям, понятием человеческой этики и офицерской чести, не ожидая никаких знаков благодарности, тем более со стороны государства».

Генерал Бронислав Млодзеевский участвовавший в эксгумациях, вспоминает о Третецком так:

— В то нелегкое время Третецкий продемонстрировал высочайший уровень чести и этики не только профессиональной, но универсальной. Тот уровень, который характеризует человека всегда, а не только по призыву того или иного начальника. Надо помнить, что он был советским офицером, а в то время — это был по-прежнему СССР — отношение к делу о катынском преступлении было неоднозначным. Мы встречали много препятствий, и тогда Третецкий всегда нам помогал.

В 1996 г. еженедельник «Политика» писал о российском офицере: «То, что он сделал как руководитель группы, проводившей следствие по катынскому делу, выходит далеко за рамки служебных обязанностей и добросовестности». Газета назвала его «советским полковником, который защитил честь мундира».

Интриги КГБ

19 августа 1991 г. в Москве начался путч, на улицы Москвы въехали танки. Вечером того же дня Третецкому,

находившемуся в Медном, сообщили, что его вызывает начальник калининского УКГБ Лаконцев.

— Я сказал, что поеду, но только со всей российской частью группы, — вспоминает генерал. Мы отправились в Калинин в сопровождении двух УАЗов с товарищами из КГБ.

На месте Лаконцев сообщил, что считает их миссию завершённой. Третецкий напомнил, что он подчиняется не ему.

— Ещё в тот же день мне удалось встретиться в Твери со знакомым из ГВП. От него я позвонил заместителю прокурора Вячеславу Фролову. И услышал от него то, что мне необходимо было услышать: «Продолжайте работы», — вспоминает сегодня Третецкий.

С подобным же «предложением» КГБ обратилось к руководившему работами польской группы прокурору Стефану Снежко.

— Мы уже сидели в микроавтобусе, которым ежедневно добирались из Калинина в Медное, разумеется, в сопровождении неотлучно присутствовавших командира машины и капитана Калашникова из КГБ, — рассказывает Млодзеевский. — Он сообщил нам, что становится очень опасно, что могут быть настроения против иностранцев и что они не в силах гарантировать нашу безопасность. Капитан был готов снабдить нас короткоствольным оружием и предложил возвращаться в Польшу самостоятельно. Снежко проявил твердость. Он сказал, что у него при себе есть приказ заместителя начальника генерального штаба генерала Михайлова и, чтобы изменить план, потребуется приказ, исходящий от лица, по крайней мере равного по рангу. А если такового не имеется, то попрошу закрыть двери и отвезти нас на работу. И мы поехали. Люди из КГБ сбежали на реку и на протяжении всех этих дней сидели в кустах и пили водку.

Участие Третецкого имело тоже чисто практический смысл. В принципе он не ни на минуту не покидал Медное, опасаясь, как бы что не помешало работам.

— Кому-то надо было все время находиться на месте. Время наше было ограничено, и любая потеря его стала бы безвозвратной. Шансов продлить время на эксгумацию не было, — вспоминает Млодзеевский.

Когда по непонятным причинам вышел из строя трактор с экскаватором, Третецкий позвонил местным военным, и они доставили новое оборудование. Кому-то было очень важно буквально выкурить команду, проводившую эксгумационные работы. Палатка, в которой он ночевал вместе с командиром батальона из Кантемировской дивизии, прикомандированного для помощи в работах по эксгумации, «по неизвестным причинам» загорелась.

— Пожар мы быстро потушили, — говорит Третецкий.

Тяжелая правда нас объединила

Катынское расследование для Третецкого и его товарищей из прокуратуры было шоком.

— Многие из них узнавали правду только у открытых могил поляков, — вспоминает Михал Журавский, бывший в то время польским консулом в Москве.

Третецкий заботливо хранит вещи, связанные с памятью о том времени — вырезки из газет, фотографии. С невероятной симпатией и удивительным умением хранить в памяти все детали он вспоминает как польских, так и российских участников расследования.

— Нас объединила очень тяжелая правда, — говорит он, перечисляя фамилии прокуроров и экспертов, участвовавших в расследовании: Стефана Снежко, Бронислава Млодзеевского, Енджея Тухольского, консула Михала Журавского, с которым он подружился.

С особенным волнением он вспоминает прелата Здислава Пешковского, капеллана катынских семей, который постоянно там находился на протяжении практически всего периода проведения работ.

— Над каждым черепом он совершал крестное знамение, молился, — рассказывает Третецкий.

Но Пешковский стал важным человеком и для него лично.

— Мы с ним много беседовали, он был для меня духовным наставником, — признаёт Третецкий.

Сталинские лжецы, распространявшие ложь о катынском преступлении, не могли пройти мимо такого явного «доказательства измены». Юрий Мухин в своей книге о Катыни «Антироссийская подлость», где изливает поток помоев как на

участвовавших в расследовании поляков, так и на россиян, обвинил Третецкого в том, что он «вместе с католическим ксендзом читал молитвы, а поляки в это время имели возможность красть из могил или подкладывать в них всё, что им только было угодно». В своей публикации он поместил фотографию, сделанную во время мессы, отслуженной в подвалах здания тверского УНКВД — совсем рядом с помещением, где расстреливали поляков, — на которой полковник Третецкий читает Священное Писание. То, что Мухина побудило к оскорбительным высказываниям, для всех, кто был в то время в Медном, послужило доказательством, что поляков и русских связывают неразрывные узы.

В этом был магнетизм Пешковского. Ежедневно утром он служил мессу.

— Поначалу в ней принимала участие лишь польская часть группы, потом, постепенно, присоединялись и русские, — вспоминает Млодзеевский.

От следствия вдали

— «Кто, если не мы» — это девиз десантников, но он относится и ко всем порядочным людям, — говорит с улыбкой Третецкий. О нем говорили, что он продался, выслуживается перед поляками. Один из гебистов, которые «присматривали» за работой группы, как-то сказал ему, что он «вовсе не советский офицер».

— Я был просто взбешен. И тогда я сказал: пусть он предложит своему начальству поставить его на мое место, — рассказывает генерал.

— Мы с Сашей дружили. У меня всегда было о нем самое лучшее мнение, — вспоминает Михал Журавский. — Он оказался между молотом и наковальней, но за всё время следствия никогда не поступал нелояльно в отношении своего начальства.

У Млодзеевского нет сомнений в том, что Третецкий заплатил за Катынь своей карьерой. «Третецкий охраняет афгано-таджикскую границу в далеких горах Памира и никогда не станет генералом», — писала «Политика» в 1996 году.

— Это была ссылка, — считает польский офицер. Третецкий был военным прокурором Группы пограничных войск Российской Федерации в Таджикистане, осуществлявших охрану границы на основе двустороннего соглашения. Но звание генерала он получил именно за Таджикистан, где

помогал организовывать с нуля структуры военной прокуратуры.

Сам он о своей судьбе после ухода в 1992 г. из следствия по катынскому делу не говорит как о ссылке.

— Меня откомандировали для работы в администрации президента, и там, работая у вице-президента Руцкого, я старался помогать следствию, — вспоминает он. В частности, благодаря его участию был создан, пожалуй, лучший документальный фильм о катынском преступлении, сделанный в России, — «Память и боль Катыни» (до сих пор не показанный по польскому телевидению).

Потом был 1993 год, политические завихрения в России. И Третецкий снова оказался в ГВП.

— Я согласился поехать в Таджикистан, ибо в то время сложилось так, что у меня не было никакой должности. Я мог только неофициально оказывать помощь следствию, — вспоминает он. И он помогал, делая ксерокопии документов. После трех лет, проведенных в Таджикистане, он отправился в Дагестан и Северную Осетию, потом в Москве преподавал право в Академии Федеральной пограничной службы. В январе 2000 г. В.В. Путин, который в то время — после ухода Ельцина — исполнял обязанности президента, присвоил ему звание заслуженного юриста Российской Федерации. В конце концов он снова попал в прокуратуру, правда, уже не в военную, а в генеральную.

Сегодня, как сам он говорит, его связывает тесная дружба с польским посольством, он часто бывает на организованных посольством торжественных мероприятиях и конференциях. Он включен в состав польско-российской Группы по трудным вопросам.

— Поляки о нем не забыли, — говорит Бронислав Млодзеевский.

Отсроченная награда

Третецкий так никогда и не получил медали, учрежденной Советом по охране памяти борьбы и мученичества. В 2005 г., когда Александр Квасневский вручал награды российским гражданам, заслужившим их за расследование катынского дела, он не был удостоен награды. Правда, он был представлен к офицерскому кресту ордена «За заслуги», но российская

сторона не дала своего согласия на то, чтобы он принял эту награду.

— В России существует положение, которое гласит, что лицо, находящееся на государственной службе, — а Третецкий работал тогда в Генеральной прокуратуре, — не может принимать иностранную награду без согласия своей организации. И, насколько я знаю, генерал получил отказ, — вспоминает адвокат Анатолий Яблоков, который в качестве военного прокурора с самого начала принимал участие в расследовании, а после ухода Третецкого возглавил его. Хотя вскоре после этого он сам был отстранен от дела за то, что его выводы были чересчур «пропольскими». — Если кто и заслужил награду от Польши, то именно Третецкий. Не вижу препятствий к тому, чтобы он мог ее принять. Ведь он уже три года как на пенсии, — говорит Яблоков.

Третецкий не склонен комментировать вопрос о своем награждении. — Я не для наград это делал, — отрезает он, хотя ощущается сожаление, когда он это говорит. — А кроме того, моя работа был оценена по достоинству. Председатель сельсовета в Медном вручил мне диплом за участие в расследовании и эксгумации.

Как стало известно газете «Жечпосполита», Третецкий вскоре будет удостоен польской национальной премии «Бене Мерито», вручаемой польским министром иностранных дел.

Эта заметка была написана еще до того, как генерал Александр Третецкий получил свою награду — уже не офицерский, а следующий по рангу, командорский крест польского ордена «За заслуги»...

ПОШЛА ЯНКА НА ВОЙНУ

Во вроцлавском Институте судебной медицины на столе лежит семь черепов. Скорее всего, они из Катынского леса. Один из них — череп женщины. Если это так, то он принадлежит единственной польке, которая погибла в Катыни.

От нее осталось лишь несколько фотографий. В авиационном комбинезоне. С отцом — поливая цветы в саду. На лодке. И маленький самолетик, который стоял у нее на радиоприемнике.

Ее отец, генерал Юзеф Довбор-Мусницкий, возвращается в Польшу. Лето 1918 года. За плечами у него много выигранных сражений и командование 1-м Польским корпусом в России, который он создал.

Генерал вернулся вместе с семьей — женой, которая младше его на 15 лет, двумя сыновьями и дочерью. Он отдал себя в распоряжение Пилсудского, но тот принял его холодно. Однако, когда в Познани вспыхнуло великопольское восстание, маршал назначил Довбора главнокомандующим. В расчете на то, что царский генерал не совладает с польскими солдатами бывшей немецкой армии и лишь скомпрометирует себя. Между тем Довбор за три месяца поставил под ружье 11 призывных возрастов и создал почти сотысячную армию.

После восстановления независимости Довбор почти за миллион марок выкупил ранее принадлежавшее немцам имение в Люсове — свыше 100 гектаров земли, дворец, луг, лес, часть озера.

Янке 10 лет, она бегают по дворцу и поет. Подолгу просиживает в конюшне, разговаривает с кобылой по кличке Европейская Барышня, которая прошла с генералом через многие сражения, а теперь отправлена на пенсию.

Отец постоянно на службе, в дороге. У него в кабинете — холодное оружие, фотографии, награды, подзорная труба, через которую Янка осматривает озеро и парк.

Дома мать — невысокая, темноволосая, она ждет ребенка. Агнешка, младшая сестренка Янки, родилась в августе 1919-го. Ее ласково зовут Гуся.

Спустя год Янка видит умирание. 38 летняя мать тяжело больна, дает о себе знать туберкулез, который она подхватила в России.

Польско-большевистская война. Генерал явился в распоряжение Пилсудского. «Хотя и не было на кого оставить умирающую жену и малолетних детей, — вспоминал он, — я без промедления выехал».

«Вы, генерал, — говорит Пилсудский, — примете командование Южной армией под Львовом, а то Ивашкевич ни на что не годен».

Довбор-Мусницкий ценил генерала Вацлава Ивашкевича, своего бывшего подчиненного, а потому с возмущением отказался. Это конец его армейской карьеры.

Генеральша умирает. Его старшему сыну Гедимину всего лишь 14 лет, Ольгерду — 9, а Гусе — неполный год.

Генерал впадает в депрессию. «Свое я уже сделал, молодость далеко позади. Да и старость катится ко всем чертям. Зачем я нужен людям?..» — признался он одному майору.

Ему 53 года, он ведет хозяйство в Люсове. Воспитывает детей.

Из дома Довбор вынес строгие принципы. Его мать, дочь офицера наполеоновской эпохи, применяла по отношению к нему военную муштру. «Меня держали в ежовых рукавицах, — вспоминал генерал, — и обходились сурово, чтобы не вырастать неженку».

А как живет Янка? Этого мы не знаем.

Больше известно о годовалой Гусе. Когда она выросла, ее подруга писала: «В Гусе ощущались эмоциональный голод и недостаток домашнего очага — генерал был отцом очень заботливым, но трагическим».

Каждую пятницу конюх Клосинек закладывает бричку и едет за детьми. Они учатся в Познани и живут на полном пансионе в частных домах. А по воскресеньям отправляются на богослужение, у них в Люсове своя скамья вблизи алтаря.

Конец 1920-х. Янка отрезала толстую косу. Она учится в консерватории. Занимается вокалом. Ходит на уроки фортепьяно. Мечтает о карьере артистки. Когда вволю напоеётся, бежит на аэродром. В Лавицу под Познанью. Вероятно, в первый раз ее отвел туда младший брат Ольгерд

(потом ставший пилотом). Девушка хочет выступать и летать на планерах.

На сцене она не играет главных ролей. Временами поет перед сеансами в кинотеатре «Муза».

Несколько раз выступает во львовских кабаре — с весьма умеренными последствиями.

«Фамилия Довбор-Мусницкая на афишах! Ради рекламы!» — нервничает генерал. Но голос у его дочери слишком слабый, и грезы о карьере развеиваются. Янка работает на почте телеграфисткой, снимает комнатушку. А на субботы и воскресенья по-прежнему ездит в Люсово. Во время церковной службы играет на органе и поет. Одновременно она делает всё, чтобы попасть в аэроклуб, кончает учебные курсы пилотирования и радиотелеграфии. Летом 1936 г. едет в Тенгобож под Новым Сончем на показательные полеты планеров. Мечислав Левандовский, инструктор по планеризму, не отрывает от нее глаз.

В Познани ставят «Пиковую даму», любимую оперу Довбора. 26 октября 1937 г. генерал возвращается из оперного театра и умирает от разрыва сердца. Остается завещание: «Мои дети должны помнить, что они поляки, что родом они из старой шляхетской семьи с безупречным пятивековым прошлым и что их отец приложил все свои силы и использовал любые возможности для возрождения Польши в ее былой славе и могуществе. А посему у него есть право требовать от своих потомков, чтобы они ничем не запятнали нашу фамилию».

Через год младший брат Янки, Ольгерд (ему 27 лет), пилот III авиационного полка в Лавице, приставляет себе пистолет к голове и стреляет. Молодой человек развлекался на танцевальной вечеринке.

Вроде бы он проявил чрезмерную напористость по отношению к какой-то женщине. Старший офицер сделал ему замечание. Ольгерд попросил извинения, вышел из зала и выстрелил.

Сентябрь 1939 года. Янка заявляет: «Я иду на войну». «Останься! — толкуют ей друзья. — Обойдутся там и без одной женщины». Однако она мчится на вокзал. По дороге оставляет у своей подруги Ирены Хасевич два альбома: «Я зайду за ними через два месяца».

В альбомах — последние снимки Янки: 10 июня 1939 г. с мужем Мечиславом Левандовским (инструктором по планеризму)

перед познанским отделом записи гражданского состояния. В скромном платье, с букетом цветов.

Венчались они заключат в костеле св. Юста при планерной школе в Тенгобоже.

И сфотографировались на фоне планера. Янка — в белом платье, взятом на время у подруги. Молодожены даже не поселились вместе.

А в Люсове Гуся прощается с прислугой: «Давайте встанем и споем „Еще Польша не погибла”». Она оставляет у соседей всех своих собак и патефон.

Сама же едет в Варшаву, ей тоже хочется бить врага.

Янка договорилась с коллегами из аэроклуба встретиться на вокзале. Молодые люди запрыгивают на открытую платформу товарного поезда. Отъезд из Познани они запланировали сразу же после того, как разразилась война, услышав, что в Луцке создается авиационная часть. «Хотя пилотами мы были чисто туристическими и спортивными, нам казалось, что умеем мы Бог знает сколько. И что мы пригодимся», — вспоминал позднее один из них. Неподалеку от Вшесни они натолкнулись на III авиационный полк. «Присоединяйтесь», — согласился капитан Юзеф Сидор. Днем все скрываются в лесах, по ночам продвигаются на восток. Во время привала Янка вытаскивает два пистолета. Она взяла их из отцовского кабинета. Один отдает товарищу. Тот потом похвалится, что был горд генеральским оружием. Может быть, тогда пилоты и дали Янке офицерский мундир. Слишком большой, плохо на ней сидящий — словно со старшего брата.

Когда друзья из аэроклуба узнали 18 сентября, что советские войска перешли границу, они решили бежать в Венгрию. «Поезжай с нами, — уговаривали они Янку, — у нас есть мерседес».

Янка ответила: «Я остаюсь».

22 сентября возле Гусятина полк авиаторов окружили советские танки. Офицеров отделили от остальных и увезли в неизвестном направлении. Среди них и Янку.

Как отреагировали большевики, когда прочли в документах, что это дочь ненавистного им генерала?

Мечислав Левандовский искал жену в Познани и Варшаве. Ни единого письма, ни единого знака.

Он бежал в Великобританию, летал в эскадрилье ночных истребителей.

Наконец-то появляется первый след Янки (январь 1941-го): человек, которому удалось сбежать из советской неволи, сказал племяннице генерала, что Янка была в лагере, в Козельске.

Берлинское радио сообщило (13 апреля 1943): «В Катыни возле Смоленска местное население указало немецким властям место тайных массовых казней, производившихся большевиками».

Во вскрытых могилах — тысячи тел польских офицеров. Беспорядочно скученные, в мундирах, уложенные чуть ли не в десять слоев. Все они погибли от выстрела в затылок, у некоторых руки связаны веревкой, во рту кляп.

Их извлекают из земли, укладывают на поляне. Пристегивают к одежде металлические пластинки с выбитым на них номером. Обыскивают карманы, сапоги — важна каждая деталь.

Женщина? Одета в мундир, будто со старшего брата.

Откуда женщина среди офицеров? Немцы поражены. Это разрушало их тезис об уничтожении пленных офицеров. И они не включили летчицу в число жертв НКВД.

В Катынь едут европейские эксперты, журналисты из Швеции, Швейцарии, Испании, а также из оккупированных государств. Журналисты констатировали, что, помимо тел убитых офицеров, к этому моменту найдены немногочисленные останки армейских капелланов, а также одной-единственной женщины.

Экспумацией руководил проф. Герхард Бутц. Он приехал в Катынь из Бреслау, с кафедры судебной медицины университета.

Он часто работал в Смоленске, в своей полевой лаборатории. И по несколько раз в неделю появлялся в Катыни. Иногда он надевал мундир и водил очередную «экскурсию». На месте за порядком следил Людвик Фосс из Geheime Feldpolizei (тайной военной полиции) — «образчик жандарма, который дотошно и безоговорочно выполняет распоряжения».

Бутц исследует в своей полевой лаборатории «особые случаи». Останки летчицы были именно таким «случаем», и потому он забрал ее череп к себе в Смоленск.

Мариан Водзинский, судебный медик из Кракова, на протяжении многих недель был единственным польским врачом на месте преступления и представителем Польского Красного Креста. Возвращаясь из Катыни, он несколько дней прождал в Смоленске места в поезде. Его пригласили осмотреть лабораторию Бутца. «В частности, мне там показывали гистологические препараты из входных раневых отверстий с характерными чертами выстрела, произведенного с близкого расстояния, а также препараты черепов с типичными для Катыни огнестрельными ранами».

Июнь 1943 г. выдался жарким. Пришлось прервать эксгумацию из-за высокой температуры и нашествия мух.

Профессор Бутц вернулся во Вроцлав. Никакой научный работник не бросает материалы, собранные в ходе своих исследований. Скорее всего, Бутц распорядился упаковать смоленскую лабораторию, приготовленные препараты, а также черепа и переслать всё это в Бреслау. Через год он погиб на Украине.

Предметы, обнаруженные у польских офицеров в Катыни (фотографии, письма, дневники, пуговицы, медальоны, четки и т.д.), эти доказательства преступления НКВД, запакованы в десяток с лишним больших ящиков и едут в Краков, в Институт судебной медицины и криминалистики. Им руководит Вернер Бек (повесивший у себя в кабинете свой снимок вместе с Гитлером), который был когда-то ассистентом Бутца.

Один из ящиков осматривает проф. Болеслав Попельский, львовянин. Он должен был находиться в Катыни вместе с Водзинским, но не добрался туда. После войны этот специалист перебрался во Вроцлав. Он спрятал катынские черепа в шкаф и присматривал за ними.

А ящики попадают в химический отдел института, возглавляемый доктором Яном Зыгмунтом Робелем. Робель сотрудничал с Армией Крайовой. Ему удалось скопировать и спрятать часть документов, среди них — катынские дневники. Некоторые он перебрал на Запад. Они рассказали о жизни в лагере, о последнем пути заключенных. И о Янке.

Ноябрь 1939-го. Янку везут из-под Гусятина в Осташков, потом в Козельск.

Лагерь для офицеров устроили в зданиях ликвидированного монастыря.

Янка довольно часто приходила в строение под номером 17 (об этом известно от врача, капитана Вацлава Муха, одного из спасшихся узников, который зафиксировал, что в Козельске столкнулся «с пани Левандовской»).

«Женщина приходила в наш корпус, потому что, во-первых, знала здесь двоих человек, а с другой стороны, чувствовала себя здесь в безопасности, так как его обитатели составляли „свою компанию“. Одета она была в мужскую авиационную форму, но, на мой взгляд, позаимствованную у кого-то, с чужого плеча».

Янка располагала в лагере отдельным помещением. Она ходила в здание прежней церкви на тайные ночные богослужения. Из хлеба готовила облатки для причастия.

В сочельник 1939 г. все молились в тишине: вслух не разрешается.

«На завтрак — густая каша или просто селедка, без ничего, на обед — каша и селедка, хлеба не дают, завтра должна быть раздача довольствия, то есть чая и сахара. Нас мучат вши», — такие записи день за днем появляются в дневниках.

Один из военнопленных (7 февраля 1940): «Здесь в лагере есть летчица, храбрая женщина, она уже четвертый месяц выносит вместе с нами всяческие тяготы и неудобства неволи».

Все дожидались писем от родных. Янка не ждала. В ее доме в Люсове всем заправляет немец Кнаппе, библиотеку генерала он вышвырнул в колодезь.

За письменным столом — следователь НКВД. С февраля полной властью над лагерем обладает политическая полиция СССР. Янку фотографируют и забрасывают вопросами.

«Часто пленный во время допроса с изумлением убеждался, что следователь уже очень многое знает о нем как личности, в том числе осведомлен о многочисленных подробностях из его прошлого. Один из офицеров слышал точнейшее описание дома, где он жил, а также всей обстановки и оснащения» (проф. Станислав Свяневич, который уцелел).

Что говорила Янка? Что ее фамилия — Левандовская, она родилась в 1914 г. (вместо 1908-го), а ее отца зовут Мариан (вместо Юзеф). Таковы сведения в списке на отправку заключенных из Козельска. Ошибка — или Янка изменила данные умышленно, чтобы уберечь себя и семью? Вероятнее всего, по той же самой причине самый старший по рангу

офицер в лагере посчитал, что надо ей присвоить звание подпоручика. Тем временем приговор вынесен уже давно, когда Берия написал Сталину, что «все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю. Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти...»

Приказ: Расстрелять!

Горячка по вывозу узников начинается 3 апреля. Обычно после 10 часов в приемной коменданта лагеря звонит телефон — из Москвы. Через трубку оттуда диктуют список лиц (в среднем от 100 до 300 человек), предназначенных в этот день к отправке. Сразу же после этого «стрелки» (охранники) разбегаются по корпусам, чтобы оповестить тех, кого прочитали. Выкрикивают их фамилии.

Когда забрали Янку? Фамилия Янины Левандовской числится в этапном списке за номером 0401. В следующем списке (0402) сохранилась дата — 20 апреля 1940. Если это действительно тот самый день, то он выдался теплым, а небо было подернуто дымкой. Так записал в дневнике один из военнопленных.

Молодая женщина берет с собой вещи, идет на сборный пункт. Быть может, она думает: «Наконец-то!»

Когда вывозили ее друзей из корпуса №17, Янка безрезультатно пыталась (так вспоминают спасшиеся) присоединиться к ним. В дорогу она получила, как все, немного хлеба и селедки, завернутых в чистую бумагу. Едут целую ночь в переполненных вагонах. Наконец, Смоленск, а потом маленькая станция Гнёздово. В нескольких километрах за этим полустанком — деревня Катынь. Вполне возможно, что Янина Левандовская погибла в день своего рождения, 22 апреля 1940 года.

Красная армия подходила всё ближе к Кракову. «Уничтожить ящики из Катыни! Они не должны попасть в руки русских», — слышит доктор Бек. Но не выполняет приказ.

«Мне удалось перевезти эти документы в Бреслау, в Институт анатомии тамошнего университета», — расскажет потом Бек американцам в Гамбурге (1950).

В Бреслау они тоже не в безопасности: вскоре этот город объявлен крепостью.

Бек вывозит громоздкие ящики на станцию Дрезден-Радебейль и складывает их на вокзале. Американцам он сказал, что хотел передать их Международному Красному Кресту. Однако, когда в Радебейль вошли русские, «экспедитор облил ящики бензином, и они сгорели».

В гнезде Довборов пусто

Могила, где покоятся генерал и его супруга, расположена на люсовском кладбище. Ольгерда похоронили в Познани. Гуся попала в руки немцев. Вместе со своей организацией «Волки» (к ней принадлежал также Януш Кусочинский, известный спортсмен). Она сидела в варшавской тюрьме «Павяк». И погибла в Пальмире под Варшавой через несколько недель после смерти Янки. Гусе тогда еще не исполнилось 20 лет. Второй сын генерала, Гедимин, после войны остался в Тулузе, работал сапожником.

Немец Кнаппе бежал из дворца. Теперь здесь командует Красная армия. Бойцы рубят мебель на растопку. Когда они ушли (1948), все имущество генерала забрала народная власть. Землю Довборов разбили на мелкие участки, а разрушенный и разоренный дворец передали отделу народного просвещения.

Муж Янки и его родственники давали объявления в газеты: «Разыскивается Левандовская Янина, урожденная Довбор-Мусницкая»... Никакого отклика не было. Мечислав женился на англичанке.

Профессора Болеслава Попельского, который в Кракове осматривал вещи, оставшиеся после убитых в Катыни офицеров, отправили вместе со всеми львовянами во Вроцлав.

Май 1945 года, ему предстоит организовать в здешнем университете лабораторию судебной медицины (впоследствии все медицинские факультеты, кафедры и подразделения отделятся от университета, и возникнет Медицинская академия).

Профессор приводит в порядок материалы, оставленные немецкими учеными, в том числе и профессором Бутцем. Среди многочисленных экспонатов — череп с отчетливым следом от пули в затылочной части.

«Профессор почти полвека охранял их, словно верный страж, — рассказывает доктор Ежи Кавецкий, ученик Попельского, сегодня адъюнкт на кафедре судебной медицины Медицинской

академии. — И порою приобщал к тайне людей, которым доверял».

Когда в 1978 г. там приступил к работе профессор Тадеуш Добош, он увидел больше десятка черепов, обозначенных цифрами и латинскими буквами «В» и «V». Бутц и Фосс? К нашему времени их осталось только семь. Когда профессор заметил, что некоторые исчезают, то спрятал остальные в шкафу своего кабинета и стал следить за ними.

Весна 2005 года. Доктор Кавецкий раскладывает катынские черепа на столе. Тот из них, который, возможно, принадлежал женщине, обветшал и сильно поврежден. Остался лишь собственно череп и фрагменты его основания, сзади — след от пули, а сбоку кто-то процарапал символы «V13» (Фосс?).

Это может быть только Янка.

Судебным медикам пишут члены Катынских семей Нижней Силезии; они хотят знать, правда ли это. Если да, то надлежало бы с почестями захоронить останки.

Но у научных работников все еще нет стопроцентной уверенности, и поэтому они не могут сказать: «Да, это правда». Первое после войны официальное судебно-медицинское обследование черепов они провели лишь в 2002 году.

Кавецкий: «Мы констатировали, что раневые отверстия воспроизводят размер типичной пули калибра 7,65 мм. Именно такое оружие и боеприпасы Советы употребляли в Катыни. С высокой вероятностью можно утверждать, что это череп мужчин в возрасте от 30 до 50 лет. И что один из них принадлежал женщине. И что все они — из Катыни».

Полную уверенность, действительно ли это череп Янки, могут дать только генетические исследования. Если бы удалось сравнить ДНК Янки и ее родителей (они похоронены в металлических гробах), тогда всё стало бы ясным.

Добош: «К сожалению, для музейных целей все черепа препарировались. Их вымачивали в каких-то кислотах, и это привело к разрыву цепочек ДНК на отдельные куски. Но еще ничего не потеряно. Прогресс в науке столь велик, что вскоре могут появиться методы, которые позволят изолировать и выделить полную ДНК».

Вроцлавские ученые опробуют и другие методы. Череп Янки попал к антропологам Тадеушу Крупинскому и Збигневу

Райхелю, которые в свое время воспроизвели голову св. Ядвиги и многих жителей средневекового Гданьска.

Профессор Райхель уже восстановил сильно поврежденные лицевые кости Янки. В дальнейшем специалисты попытаются исследовать череп методом взаимного проецирования — произведут наложение фотоснимков самой Янины и ее черепа. Если определенные «антропометрические точки» совместятся, это явится важным следом.

«Янка должна вернуться домой», — слышу я в Люсове.

ДНЕВНИК ОФИЦИАЛЬНОГО НЕМАРКСИСТА

Ян Юзеф Щепанский (1919–2003) — прозаик, репортер, эссеист, киносценарист и переводчик. Одна из самых интересных фигур польской послевоенной литературы. Автор, в частности, партизанских рассказов «Сапоги», романов «Польская осень», «Икар», «Остров», репортажа «Залив белых медведей», книги эссе «Перед неведомым трибуналом». Не поддаваясь политическому давлению, председательствовал в Союзе польских литераторов, оказавшись последним его председателем, — Союз был распущен во время военного положения. Об этом — его документальная книга «Председатель». Щепанский вел дневник в течение почти 60 лет, до самой смерти (2003, Краков). Первый том записок, опубликованный в конце 2009 г. в краковском «Выдавництве литерацком», рисует самый жестокий период сталинского террора, истоки ПНР.

Первый том «Дневников» Яна Юзефа Щепанского охватывает 1945–1956 годы. Это важный период в личной жизни писателя: женитьба, рождение детей, писание «в стол». И важный период в истории Польши: восстановление страны, воцарение коммунистов, ужасы сталинизма, аресты и процессы, всевластие цензуры, соцреализм в искусстве. Затем оттепель, надежды на перемены. Польский октябрь 56-го и запоздалый дебют писателя.

«Свое будущее я вижу только в пистельстве»

Щепанский вел записи почти ежедневно. Исторические события переплетаются в дневнике с повседневностью — обычной и необычной. Описание кроваво подавленных в Кракове в мае 1946 г. манифестаций в поддержку Миколайчика, председателя тогдашней крестьянской партии Стронництво людове («Вновь крики, свист, беготня, а потом неожиданно выстрелы»), соседствуют с картинами красот Татр; записи об аресте двоюродного брата — с замечаниями о французской кинокомедии и рассказом о новогодней складчине. В январе 1953 г. власти планировали национализацию «Тыгодника повшехного», по улицам Кракова маршировали войска, певшие по-русски песню с припевом «Мы польские солдаты», а Станислав Лем читал в Шегожалах шуточную «кукольную

пьесу» (это, безусловно, недавно обнаруженный фарс «Корни. Многоактная драма», в финале которой появляется Сталин, «сверхчеловечески добрый, нечеловечески приветливый, гениально улыбающийся»). В один из мартовских дней 1956 г. — лыжная прогулка («в Касинце огромные сугробы»), а рядом — известие о смерти Берута в Москве с комментарием последующих обстоятельств («Я думал, будет большая панихида, а в Госиздате собрание по поводу длилось только 7 минут. Новый стиль»).

Работа над собой

Первые дневниковые записи сделаны в Кракове, после выхода Щепанского из леса, из партизанского отряда Армии Крайовой. Ему 26 лет, за плечами участие в сентябрьской кампании 1939 г., подполье, партизанский отряд в Келецком воеводстве (с июня 1944-го). Учебу на отделении иранистики Ягеллонского университета Щепанский считает недоразумением, даже «мошенничеством». «Я хотел расстаться с писательством, — пишет он 6 августа 1945 г., — но буду честным: только в нем я вижу свое будущее. Мне это фатально не удастся, но в душе считаю себя писателем. И не хочу отступать».

Подобно герою романа Джозефа Конрада, он предъявляет к себе очень высокие требования. Намеревается работать над формированием своего характера, честности и воли — и дневник должен в этом помочь. Прав Томаш Фиалковский, утверждая, что записи первых послевоенных лет «воссоздают редкую картину последовательного самовоспитания Щепанского как человека — студента-ираниста, писателя, мужа и отца семейства, альпиниста, репортера и сценариста».

С самого начала дневник поражает удивительным благородством молодого человека, сознательной работой над собою, чуткостью совести. Ян Юзеф, сам недоедающий, упрекает себя, что не поделился хлебом с немецкими детьми в разрушенном Вроцлаве. Он сочувствует голодающим немцам: «...Невольно, потому что помню аресты, облавы, Освенцим, [краковскую тюрьму] Монтелупи — всё помню. Но сейчас я вижу только голодных людей».

Глаз репортера

Когда Щепанский оказался летом 1945 г. в Нижней Силезии, он опасался приобрести комплекс оккупанта, «комплекс „законного владельца“», который «возвращает то, что ему принадлежит» и т.п. Он проницательно замечает, что поляки в происходящих здесь процессах — это второстепенный фактор;

они не решают ничего, «арендуют» этот кусочек победы. «Большевики выгнали поляков из Легницы. В газетах для берлинцев похваляются, что остановили польскую акцию по выселению, во всех спорных вопросах заступаются за немцев. Это факты. Русские — благодетели для всех. Нам дают Вроцлав и Гданьск, украинцам — Львов, литовцам — Вильно, немцам — надежду славно отыграться за наш счет».

Он пишет о русских, которые грабят и насилуют с чистой совестью, в открытую, как орда Тамерлана: кто награбит больше, тому повезло.

А поляки?

«У нас это выглядит не столь возвышенно. Тысячи „законных владельцев” в выцветших одеждах с боязливymi ужимками снуют по развалинам складов, жилых домов, заполняя барахлом свои „мародерские котомки”».

Уже по этим двум предложениям можно узнать прирожденного репортера. В 50-е годы Щепанский будет писать репортажи из Новой Гуты, с завода легковых автомобилей в Жерани под Варшавой, о сиротском приюте в Кшешовице, о Никифоре Крыницком, — и почти все (за исключением «В цехах автозавода») окажутся для цензуры несъедобными. Благодаря дневникам что-то всё же сохранилось. Например, литературно крепкое описание встречи с Никифором:

„Маленький, оборванный, со сморщенным личиком, одно стекло в очках потрескалось звездочкой. Тыкая кисточкой в свой детский набор красок (анилиновые пуговицы на картонке), а затем с педантичной тщательностью накладывая пятнышки на «картину», он не отрывает взгляда от работы, ему не нужна никакая натура, ничего вокруг. Кажется, что нет никакой связи между ним и миром. (...) Его восхищают тучи на одном из пейзажей Ван Гога, а «Охотники на снегу» Брейгеля вызывают радостный смех — там маленькие птички среди ветвей и микроскопические фигуры скользящих по льду людей. Долго комментировал быка из Альтамыры. Я попробовал рассказать ему о происхождении этой картинке. Из его ворчания понял только, что бык лучше коня, потому что коней забирали немцы, а на корове не попадешь — «больная... слабая». После второго просмотра репродукций сказал (насколько я его понял) нечто очень серьезное: «Я бы тоже так смог, если бы не был...» — и показал рукой на голову» (16 февраля 1951).

Запоздалый дебют

В те годы будущий автор «Икара» не имел шансов в ограниченной, изуродованной, отравленной соцреализмом, но все же существовавшей литературной жизни. Он был «классово чуждым элементом», подозрительным — интеллигент, сын довоенного юриста и дипломата Александра Щепанского, племянник эмигрантской писательницы Марии Кунцевич, офицер Армии Крайовой, женат на внучке поэтессы «Молодой Польши» Марыли Вольской, связан с кругом «Тыгодника повшехного». Издатели и редакторы литературных журналов относились к нему с опаской или недооценивали, зато цензура относилась со всей чуткостью. Писатель с такой фатальной биографией должен был преодолеть не одно препятствие, чтобы увидеть свою фамилию в печати. Но следующие друг за другом неприятности он принимал, в общем-то, с олимпийским спокойствием: «Сегодня должны были выйти „Сапоги“ в „Тыгоднике“. Не вышли. Снова ожидание» (17 января 1947). «Госиздат вернул „Польскую осень“. Не напечатают. Кажется, потому, что публикуюсь в „Тыгоднике“» (24 декабря 1949). «Забрал „Польскую осень“ у Гебетнера. Не собираются» (7 марта 1950).

Спустя годы Тадеуш Древновский напишет:

«Литературная карьера Щепанского началась сильно и ярко, но не без препятствий. Я имею в виду его запоздалый и болезненный дебют, который проходил в три этапа. Только в годы оттепели (1954–1956) вышли три книги нового автора: „Польская осень“, „Штаны Одиссея“ и „Сапоги и другие рассказы“, — в очередности, обратной той, в которой были написаны. (...) Как у Боровского и Ружевича, в прозе Щепанского война обозначала самый глубокий кризис эпохи, всеобщий кризис ценностей» (Т.Древновский. Один перед неведомым трибуналом).

Дневник Щепанского содержит подробную историю этих перипетий с дебютом. Месяц за месяцем, год за годом. Мы найдем здесь также не одно описание мук неуверенности, болезненных метаний писателя, отверженного, начинающего сомневаться в себе, в своем таланте.

«Утром отдал Выке машинопись моего сборника. Забрал его от Ежи [Туровича], там дело выглядит безнадежным. Выка обещал толкнуть в „Читальник“. Вчера вечером был момент ужасной хандры. Какого-то упадка. Меня полностью покинула смелость и вера в себя. Казалось, что я уже никогда не сумею писать и мой брак с Данусей не имеет смысла. Я усомнился во всем, было чувство, что и тут обманываюсь. К счастью, прошло. Постановил в течение недели подвергнуть себя взысканию,

писательскому тренингу. То есть каждый день буду записывать, не заботясь о форме, какое-то одно наблюдение. Всё равно что» (16 сентября 1947).

Однако ни на какой компромисс, ни на какие соглашения с «народной властью» он не шел.

Двойное одиночество

А власти не оставляли его в покое. 27 июня 1947 г. Щепанский описывает «шесть часов тоски» — допрос проверочной комиссии в районной комендатуре.

«Они исходили из того, что я, конечно, фашист, который затаил свои взгляды. Понятно, что таких господ никак не переубедишь, что к фашизму питаешь еще большее отвращение, чем к марксизму. Есть только две полки. Ужасно неудобно жить в таком мире. В результате не признали моего офицерского звания».

Есть в дневнике несколько сдержанных записей о вызове в органы. Вот заметка в первый день Рождества 1952 года: «По возвращении из Касинки нашел повестку в милицию. Снова начинаются проблемы вроде тех, в 49-м году. Теперь удар направлен против меня лично (времена оккупации), хотя, безусловно, это в связи с „Тыгодником“. Рождество прошло в тени этой тучи».

Ян Юзеф Щепанский, несмотря на проблемы с публикацией произведений, был принят в секцию прозы Союза польских писателей. Он там единственный официальный немарксист. В дневнике отмечает, что ощущает «что-то вроде вежливого бойкота». Холод, усиливающийся с каждым днем. «Человек сидит на собрании, как заразный больной, — рядом пусто, глаза отворачивают с беспокойством» (1 апреля 1953). Только Анджей Киёвский украдкой («в уголке») заказывает ему репортаж для «Жича литерацкого».

Одиночество ощущает агностик Щепанский и среди тех, с кем многое его объединяет, — в католической среде «Тыгодника повшехного». Католики — его жена и родные («С этой религиозностью Дануси я должен очень серьезно считаться»). Было бы проще, будь он одним из них. Предпринимаются даже определенные попытки переубедить себя: «В последнее время меня всё больше мучит мое половинчатое или даже „четвертинчатое“ отношение к религии. Я внушил себе, что верю в Бога, и думаю, что если что-то заслуживает веры, то

разве что Бог, но не могу из этого извлечь никаких рациональных следствий» (21 мая 1951).

Изоляция, унижение, бедность. Но самое худшее его минует. Кто знает, не угодил бы он за решетку, окажись его дневник в руках госбезопасности. Записи о Конгрессе Западных земель во Вроцлаве ему уж точно не простили бы:

«Такой инфляции лозунгов и фраз не знала ни одна европейская эпоха и ни один режим. Выступления на месте проходили цензуру и последовательно доводились до идеала демагогического штампа. Все эпитеты утверждены, никакая тень критики или объективности не имеет права добавить каплю правды к ура-патриотизму. Все говорят (очень многословно) одно и то же. Овации и аплодисменты запланированы — нет и речи о каком-то непосредственном мышлении. Не обошлось без детей с цветами и красными платочками, обнимающих Личностей и попискивающих тоненькими голосами о „кровавых когтях империализма“. Самым отвратительным зрелищем были ксендзы, выхватывающие себе, на самом дне своего гетто, клочки иллюзорной „чести“ состоять в какой-то комиссии. Всё это в атмосфере удручающей вульгарности, мерзости, грязи. Всё без малейшей связи с действительностью, видной сразу за дверьми зала заседаний» (22 сентября 1952).

Эти фрагменты дневника Щепанского напоминают «Дневники» Марии Домбровской с их убийственными описаниями польского сталинизма.

Убежища

Мир коммунистической фальши, тоскливой пээнэровской серости был Щепанскому чужд и отвратителен. К счастью, у автора «Польской осени» были свои убежища. Касинка — любимый деревянный дом в Бескидах. Альпинистские вылазки. Друзья — среди них Яцек Возняковский, Ежи Турович, Тадеуш Бжозовский, Владислав Дулемба, Станислав Лем. Счастливая семейная жизнь. Об этих своих убежищах автор дневника пишет, пожалуй, больше всего.

Следующие годы, после перелома 1956 го, принесли ему желанные дальние путешествия. О них пойдет речь во втором томе «Дневника».

Jan Jozef Szczepanski. Dziennik. T.I. 1945–1956. Krakow: Wyd. Literackie, 2009.

*Публикуемая рецензия — несколько измененная редакция текста,
помещенного в портале www.culture.pl.*

ДНЕВНИК

1956 год

20.III

Все полны эмоций по поводу «секретного доклада Хрущева», который действительно представляет собой шаг чрезвычайно таинственный. Почему именно сейчас, именно в данный момент преступления Сталина оказались преступлениями, и почему их разоблачает не кто иной как Хрущев, спец по депортациям? Откровенность как козырь в игре может мало что общего иметь с правдой. И какова же ставка в игре, когда рискуешь так подорвать престиж?

Психологических приемов такого размаха мы еще не видели. Во всяком случае после такого крутого поворота наверняка наступит попытка взять совершенно новый курс. На благосостояние? На объединение Германии? Это должно быть что-то такое, чему сталинская традиция решительно препятствовала. А может, это всего лишь какие-то личные комбинации?

26.III

То, что происходит в России, похоже на самоотравление ложью. Это «великое очищение» вызывает по меньшей мере подозрительность. Те же самые люди, тот же Хрущев, который депортировал миллионы поляков. И зло клеймится не как зло, а как ошибка. При этом в «откровенных» выступлениях прессы по-прежнему ощутима старательная режиссура. Вся изобретательность направлена на то, чтобы провести границу между неодобрением партийным и неодобрением и возмущением всех, для кого преступление всегда было только преступлением. Одна лишь партия права в своей критике и имеет право критиковать. Все остальные — реакционеры, самодовольно потирающие руки и любующиеся своей Schadenfreude. Творится великая драма совести, но без участия совести. Ибо «партийная совесть» — по-прежнему орудие тактики.

4.IV

Весь вечер я писал статью об АК, вернее касающуюся дела АК, но затрагивающую всю систему лжи и несправедливости, которую аковское дело разоблачает особенно ярко. Завтра закончу, но сомневаюсь, что этот номер пройдет. Даже в нынешних условиях.

6.IV

Сегодня в Касинке подрезал деревца и подкармливал пчел. Холодно, проблески зимнего солнца и ветер, а потом снег. Вернувшись домой, обнаружил авторские экземпляры второго издания «Штанов» [«Штаны Одиссея»] в безобразной обложке. В четверг пришла корректура Ханта.

Был сегодня Лем. Предрекает сворачивание оттепели, которая в последнее время действительно превратилась почти в половодье. Позавчера я читал доклад Хрущева в брошюре, изданной для партийного пользования. Принес его честный П[астушко]. Прямо-таки народно-фронтная идиллия: мы читали вместе вслух. Невероятно.

9.IV

Но происходящий переворот плохо доходит до масс. В Касинке люди «чевой-то слышали», мол, кто-то там что-то сказал против Сталина, но мало в это верят, так как «рази ж такое возможно».

Статья Махеека в последнем номере «Жича [литерацкого]» выставляет напоказ ментальность честного партийца. Он не утверждает, что не слышал о лагерях, депортациях и показательных процессах, однако думал, что это необходимо, и «подчинялся дисциплине». Причина «землетрясения» — не сами факты, а то, что обнаружилась их ненужность.

12.IV

Уже началась «столыпинская реакция». Лем привез последние новости из Варшавы. Редактор журнала «По просту» отстранен, «Новая культура» и «Пшеглэнд» целиком изуродованы цензурой, Османчику здорово досталось от ЦК за написанное о Сейме. Только Путрамент, как всегда, «во главе» и там, где надо.

Вчера был на репетиции «Каракатицы», которую ставит Кантор. Кантор всегда создает атмосферу героическую, атмосферу начинания чего-то нового, действует наперекор (хоть и за государственные деньги), а главное, действует так, как он хочет. И это ему удастся.

И еще [министра культуры] Сокорского сняли. За излишний либерализм!

13.IV

Беседа с Махееком о моей статье на тему АК:

— Всё, что вы пишете, правда, но цензура не пропустит. Они мою статью (речь о «Землетрясении») посчитали антисоветской, — Махеек совершенно сбит с толку. Он сказал: — Как партиец, я в ужасе. Что они делают? Я думал, это умные люди, — а потом он, как обычно, возвращается к прежней рутине. — Я знал, что снова начнут закручивать гайки, но думал, что где-то в конце мая.

Был у Лема. Он сказал: — Год тому назад ты стоял на тех же позициях, что и теперь, а я был очень красный. Сегодня мы на одних и тех же позициях. И это благодаря ловкой политике ЦК. Создали наконец национальный фронт.

Это правда. Сегодня говорить можно уже практически с каждым. Прежде всего выявилась вся пустота всяческих софизмов, которые должны были оправдывать якобы целесообразность «гнета». Категории этических оценок безмерно упростились. Сегодня никто не стесняется говорить о правде. В редакции «Жича» честный Барнась, узнав о последних варшавских событиях, закричал: — Нам ничего другого не остается, как писать только правду. Никакой фальшивой статистики, никакого замазывания.

Конечно, не так это просто. Ежедневной прессе запрещено перепечатывать статьи из литературных изданий. Двойной стандарт.

Сташек [Михаляк] написал мне сегодня, что один улей погиб.

22.IV

Утром вернулся из В[арша]вы. Вылетел самолетом в четверг 19-го. Эффектный полет над сплошным белым морем облаков и в солнечных лучах, в то время как внизу слякоть и дождь со снегом. В [издательстве] «Искры» долгие пререкания с редактором книги, который об англичанах знает больше, чем они сами о себе, вследствие чего самовольно внес ряд изменений в текст Ханта. Однако мне всё же удалось настоять на своем.

Был на открытом партийном собрании Союза [польских писателей] с участием представителя ЦК Ежи Моравского.

Прежде на такие мероприятия ходили по принуждению. Теперь такая давка, едва протиснешься.

Моравский произнес типично партийную речь «от имени власти»: были, мол, совершены многочисленные ошибки, идет исправление, доказательством чего служит «снятие» с постов Радкевича, Зараковского, Сокорского и др. Говорил о повышении окладов, о реабилитации, об активизации работы Сейма и о планируемой амнистии. Одним словом, всё идет к лучшему.

В дискуссии первым выступил Кручковский. Он поднялся на трибуну с большой пачкой машинописных страниц и принялся разглагольствовать в давнем стиле, с пафосом, напыщенно, черпая метафоры из собственного творчества, которое столько лет награждали и официально восхваляли. Вначале он сделал несколько самокритических реверансов, законченных неизбежным «однако же», которое должно было стать поворотом к восславлению «несмотря ни на что завоеванных» достижений. Когда он сказал, что Польша заняла пятое место в Европе как промышленная держава, в зале начали кашлять. Кручковский умолк и ждал. Когда кашель начал превращаться во всеобщий, встал председательствовавший на собрании Путрамент и попытался утихомирить зал, постукивая по столу и призывая дать оратору договорить. И тут зал охватил настоящий коклюш. Это продолжалось, может быть, минут пять, пока наконец Кручковский не собрал свои бумаги и не вернулся с поджатым хвостом на место под радостные аплодисменты.

Следующий оратор, Пытляковский, с ходу набросился с резкой критикой на ЦК. Он требовал не «снятия», а посадки и наказания таких людей, как Радкевич и прокуроры. Требовал отмены цензуры, созыва нового съезда партии, новых выборов. Нельзя бесконечно тасовать одни и те же карты. Кисель, выступавший третьим, выглядел после него весьма бледно. Его оппозиционность уже перестала производить впечатление. Напрасно он пустился в объяснения, кто он и почему он не враг, хотя и спиритуалист. Был момент, когда казалось, что и его прервут. Где-то в углу начали топтать. К счастью, он подкрепил свое выступление юмором и закончил довольно гладко, призывая власти дать возможность не-марксистам создать собственную трибуну.

Карст был еще радикальнее Пытляковского. «Почему, разоблачая преступления Сталина, мы одновременно твердим, что он был верным марксистом? Перед кем мы хотим выслужиться, добавляя в чашу с ядом пару сладких капель?»

Вспомнив новость о «снятии» Сокорского, он спросил, почему этого министра сняли не тогда, когда он творил наихудшее, а лишь теперь, когда он проявил чуточку либерализма? И с какой стати мы «получаем», а не выбираем нового министра? Разве Сейму нечего об этом сказать? Он также предложил распустить Союз писателей и взять за основу литературной жизни деятельность свободно формирующихся групп, издающих свои журналы и конституирующих свои руководящие органы. Он требовал также, чтобы Гомулка получил возможность разъяснить свою позицию.

Потом какой-то похожий на шута переводчик (Груда) посреди нагромождения бестолковых словес вдруг выдал такое меткое наблюдение: «Мы тут так резко критикуем, и товарищу Моравскому, видимо, неприятно все это слушать, но, с другой стороны, я подозреваю, что ЦК мало заботит наша болтовня. У них ведь тоже есть сторонники: за ними армия».

Василевский из «Новой культуры» протестовал против новых обострений цензуры и против смен в редакциях, производимых сверху. Он также перечислял различные «кошмары» официальной политики, в том числе лживую, насильно навязываемую польско-советскую дружбу. На эту же тему кто-то из выступавших вслед за ним сказал: «Пусть основой этой дружбы будет равенство. Давайте обмениваться самым ценным опытом, давайте брать самое лучшее. Правда, у нас в армии один из лучших советских маршалов, но это скорее исключение из общего правила принудительного обмена».

Последним перед перерывом выступал Ян Выка, бывший боец бригады Домбровского. Говорил он дольше и гораздо резче других. Сталин не в одиночку пришел к тирании. Он опирался на созданную им касту. У нас тоже существует такая каста, и она по-прежнему стоит у руля, меняя лишь лозунги. Прежний ЦК должен уйти. Охаб, разглагольствуя о демократии и еще сильнее при этом закручивая цензурные гайки, поступает точно так же, как Сталин. (В подтверждение он процитировал одно из выступлений Сталина.) Тут Путрамент не выдержал и попытался его прервать: «Я знаю товарища Охаба. Вы его оскорбляете. Меня это задевает». В зале поднялся шум: «Сядьте! Не прерывайте!»

Выка спокойно переждал, а потом бросил реплику: «Я, правда, с товарищем Охабом лично не знаком, но у меня есть привычка делать заметки по ходу выступлений», — и процитировал фрагмент речи Охаба, произнесенной несколько недель назад, в которой тот опровергал слухи о том, что Радкевич якобы

арестован, и желал Р[адкевичу] здоровья и дальнейших успехов, а также перевыполнения норм в сфере его работы.

После перерыва я ушел, но на следующий день мне подробно пересказали дальнейший ход собрания. Clou (гвоздем программы. — *Пер.*) стало выступление Гжегожа Лясоты, который отметил, что болтовня о «переломе» и «потрясениях» партийной совести — сплошное очковтирательство. «Все мы прекрасно знали о лагерях, показательных процессах, депортациях и т.д. Пусть Кручковский не корчит из себя невинного младенца. Кто, как не он, писал в 37-м году в „Вядомостях литерацких” о московских процессах? Выходит, тогда он знал, а потом не знал? Как это возможно? Мы знали, но при этом строили социализм. И поэтому совершенно осознанно должны были врать».

Моравский не дал никаких разъяснений, никакого ответа, хотя от него этого требовали весьма резко. Через неделю должно состояться еще одно собрание. Всё это очень похоже на семейную ссору, и марксисты сами это отмечают. Но независимо от этого складывается впечатление, что то, что система теряет, коммунизм приобретает. Реакция на выступление Киселя как будто это подтверждает. Когда оппозиция приобретает право гражданства внутри лагеря, то внешняя оппозиция становится менее привлекательной.

У тамбур-мажоров всё это считается «партийным» поражением. Я отправился в «Пакс» утрясти какой-то вопрос с корректурой. На лестнице меня остановил вахтер и принялся выпрашивать, к кому я и зачем, и в конце концов отказался пропускать меня без предварительного телефонного звонка. Как раз тогда, когда всюду отменяют эти идиотские формальности, они их вводят. Смысл их жизни — тоталитаризм, и неважно, свой или чужой.

Замечательную историю вычитал Херберт в английской прессе. Лондонские студенты приветствовали Булганина и Хрущева флажками с наклеенными на них фотографиями князя Монако и Грейс Келли и восклицаниями: «Да здравствуют новобрачные!»

Кшиштоф Костеша

Я ПЕРЕСТАЛ БОЯТЬСЯ

Всё зло

Всё зло от ненависти

глупости и бедности

все завтрашние рассветы

зависят от тебя

от карты твоих генов

от случая и среды

все горы сначала растут

а когда стареют

начинают уменьшаться как люди

все вспененные реки

падают в пропасть иного

черпая силу в разнице уровней

текут вниз к какому-то морю

чтобы в конце концов смешаться с водами его

Страдалец

Страдалец включил

изолятор разума

он слышал только

внутреннюю музыку токов мозга

своего я

подвешенного в пустоте воображаемого космоса

то есть почти в нем самом

страдалец драл глотку
размыл словами сточную канаву
добра и зла небытия и еще чего-то
страдалец вскарабкался
на скалу и прыгнул в море боли
счастливый в смерти
он стал вселенной
будущего и прошлого
но не знал
что был ею

Дезертир из мира потребления

Никаких вопросов никаких партий
никаких групп взаимного обожания
левых забывших о малых мира сего
никаких псевдоавторитетов и платиновых карточек
великое спокойствие
принесённое танцем ветра
музыкой грома летней грозы
Всевышний раздает капли дождя
и вдруг из серости — в пестроту гипермаркета
тебя настигает пустота
ты дезертир из мира потребления
служишь мессу трудных ответов
забивая пустоту покупками
обожравшийся фастфудами
перекормленный пошлыми телероманами

телеканалами обреченными на коммерцию
заваленный падкой на дешевые сенсации бульварной
прессой
которая не гнушается ничем
вместо движения ввысь — повсеместная заурядность
на фоне атакующей рекламы
ты возвращаешься воротничок
в стерильные кондиционированные офисы
за стены элитных поселений
ты замкнут в себе изолирован
вырван из среды тебя обокрали дочиста
ты трепыхаешься в пробке
больных автомобилей
перегруженных барахлом
ты есть но тебя словно нет
примирившийся изнутри
ты уже не ты уже не бунтуешь
ты доволен собой
цивилизованный юзер
с отсосанным мозгом

Моя цивилизация

Моя цивилизация больна
спасти ее может только любовь
деньги война смерть унижение информационная
зависимость
мы не умеем жить рядом с водой
танцуя в зеленых лугах

глядя в небо радуясь звёздам
наша цивилизация больна
сплошной эгоизм смерть унижение города улицы
девки наркотики
автомобили туда-сюда
туда-сюда день и ночь
и мы зависимые от игрушек цивилизации
мы — элементы ее времени и моды
жертвы рекламы
словно хаосом зачатые
хаотично стремимся в хаос
как будто в хаосе есть простота
может быть это вступление в новый мир
а может всего лишь новая просека
в лесу из деревьев правды
Я перестал бояться
Я перестал бояться
важней всего ценности
не страх
я перестал бояться
стены рухнули сами собой
я перестал бояться
прошел через хищное море зелени
через ядовитую пересохшую сушу
прагматичных йиппи
через поколения будущего
они не знают ценностей и не представляют ценности

считают пересчитывают
дружбу в чистоган
человека оценивают по его запасам
не помнят о неприспособленных чудаках
о людях которые не умеют жить
там где нет
протянутых рук
Солнце заходит поднимается ветер
рождающий агрессию и отчаяние
я начинаю бояться за ценности
начинаю бояться за любовь
начинаю чувствовать
мне начинает
всё это быть
всё больше
до фени

Ты у которого нет ничего

Ты невольник
места и времени
и своего предназначения
не видишь хотя и видишь
ты чья жизнь
сочится сквозь скрещенные ладони
сквозь решетку пальцев
ты в ком добра
столько же сколько зла

отца столько же сколько матери
любви столько же сколько измены
ты у которого нет ничего
скитаешься по вокзалам этого мира
купаешься в золоте
и не замечаешь другого человека
плаваешь в козьем молоке
а дети умирают стоя
ты истекающий спесью
сбавь тон
ты потерялся в себе самом
прячешься в мечтах
так поверь в них
вы у кого
есть всё
творя новую материю из материи
поделитесь
вы те кто проспал жизнь
очнитесь
ты тот кто ищет путь
найдёшь его

Sens fiction

Если скорость бегства
из какого-либо пространства
больше скорости света
то объект невидим и поглощает свет

это значит

скорость больше трехсот тысяч километров в секунду

такой объект есть

и есть время

видимое с этой стороны мира

и невидимое для него

с той стороны времени

Ты убивал во имя Бога

Ты убивал во имя Бога

убивал во имя человечности

за внешность за цвет кожи

без причины из удовольствия убивать

ради не осознанных до конца идей

старые деревья вырывал с корнем

гасил большие невинные глаза детей

а они хотели знать — какого цвета мир

ты отрезал им путь к мечте

ты не понял ничего

Голоса воинов

Голоса воинов умолкли

воины пошли спать вечным сном

о них уже никто не помнит

опять настал новый день

а когда-то было столько всего

столько слёз и улыбок

неопровержимых аргументов

бескомпромиссных решений
бессмысленной крови
мир теперь и так принадлежит
тем кто остался
их правота в том что они выжили
а те пребудут только в мыслях
вечной ночи молчаньем

Люди

Маленькие люди —
те кто над Тобой смеется
ибо они не знают кто Ты и от страха
издеваются над Тобой
ради своего эго
ради могущества в материальном
объяснимом мире
вытекающем из неограниченных знаний
чья физика меняется во времени
ибо знаниям нет конца
счастливые люди —
те кто верит в Тебя не задавая вопросов
великие люди —
те кто в Тебе сомневается
не следуя канонам
они ищут
оставляя другим надежду
и возможность задавать вопросы

Кшиштоф Костеша родился в 1954. Принадлежал к группе «Кабаре», устраивавшей поэтические хэппенинги (1974–1976). Соучредитель подпольного литературного издательства «Официна выдавнича ПТ» (1980) и издательства «Спулка поэтув» («Артель поэтов», 1990–2002). Автор художественного оформления многих книг и журналов, выходивших во времена ПНР в независимых издательствах. Один из основателей «Солидарности ремесленников». С 1997 участвовал в двух десятках выставок как художник. Выпустил книги стихов «Слишком тихо» (1980), «Дети солнца и луж, не бойтесь бурь» (1980), «Образ мыслей 29549» (1997), «Титул... был, но я его потерял» (2009).

НЕТИТУЛОВАННЫЙ ПОЭТ

Кшиштоф Костеша — отнюдь не новичок в поэзии, хотя его имени нет в топ-рейтингах литературного рынка. Последняя книга этого автора названа «Титул... был, но я его потерял». «Отсутствием» заглавия заявлено пренебрежение к формальной самопрезентации, в чем, конечно, есть момент артистической игры. Записи в книге лишь с виду хаотичны, вскипающая магма впечатлений образует текст, фрагменты которого рельефны, как графика. Это вскрики смятенной, ранимой души, стихи для чудаков, стремящихся мыслить, не падких на «игрушки цивилизации», не способных превратиться в «невольников места и времени». Костеша искренен, не грешит пустословием, самонадеянностью и фрондерством (а это обычное дело у пишущей братии). Основательность письма изобличает в нём мастера.

Поэт выражает боль эпохи, когда правят бал те, «кто отрезает путь к мечте», когда задает тон толпа «истекающих спесью» обывателей, «цивилизованных юзеров с отсосанным мозгом». Он, «дезертир из мира потребления», где человеческие отношения «пересчитаны в чистоган», где «вместо движения ввысь — повсеместная заурядность», не желает возвращаться назад. Не хочет примыкать к армии профессиональных страдальцев, ущербно зависимых от окружающих безобразий и от собственной вялости, тупо прорубающих «просеку в лесу из деревьев правды». Он давно «перестал бояться» жизни и опасается только своего примирения с ней, безразличия от усталости — оттого что иногда кончается завод и опускаются руки.

Смириться с опустошением — значит умереть. Отсюда жесткость суждений поэта, но и рефлексy нежности к ближним. Он пытается достучаться до тех, кто не может «очнуться», кто готов «проспать жизнь». Ведь настоящая жизнь — есть, только почему-то она почти всегда происходит не с тобой, а где-то рядом. С этим запутанным, замороженным миром пора что-то делать. Что именно делать — каждый решает сам, а задача поэта — крикнуть (шепнуть, прохрипеть): «действуй, пока не поздно». Костеша — еще и живописец странных светящихся пространств и фигур, участник перформансов товарищества «Фабрика штуки» («Фабрика

искусства») — производящего пародийный «фаст-арт» в напоминание о дикой деформации нынешней культуры.

Хорошая, продиктованная тревогой и любовью, книга «без названия» вышла в издательстве «Пшедсвит», что означает «Перед рассветом». В ней брезжит раннее утро — пора трезвой ясности. Человек, ночью не сомкнувший глаз, внимателен, осторожен, точен. Он стряхивает с себя дрему и готовится выйти в мир. Возможно — чтобы хоть в чем-то изменить его. По крайней мере — снова попытаться его понять, «оставляя другим надежду и возможность задавать вопросы». Таких поэтов не титулуют. Владельцы «платиновых карточек» стремятся их ассимилировать, втянуть в систему политкорректности, запихнуть в союзы неудачников, в резервации управляемой «альтернативной культуры». К счастью, это получается не всегда.

ОСТАВАТЬСЯ АНТИИМПЕРЦАМИ...

— Есть ли у вас семейные, родственные (корневые) связи с Польшей? Если есть, насколько они для вас существенны?

— Никаких семейных и вообще родственных связей с Польшей у меня нет. Есть дружеские и профессиональные.

— Интересовали вас когда-нибудь политические события в Польше? С какого времени? Какие особенно?

— Да, конечно. Более всего — развитие событий в связи с движением «Солидарность». Тогда мы ждали вторжения советских войск в Польшу со дня на день. И испытывали то же бессилие и отчаяние, как и в 1968 году.

— Вы ходили на польские фильмы? Что в них было особенного?

— Польское кино всегда ценилось у нас высоко. Вайда, Цыбульский — эти имена были на слуху. «Пепел и алмаз»; замечательные польские комедии, названий которых я сейчас уже не помню, но некоторые сюжеты помню до сих пор, — вроде этой блистательной истории польской семьи, которая живет в своем доме с танком Т-34 и не может избавиться от него, как ни старается. «Самый веселый барак в социалистическом лагере» — это было сказано абсолютно точно.

— Есть ли у вас любимый польский писатель?

— Станислав Лем, конечно. Свифт и Рабле двадцатого века. Безусловно, один из умнейших людей мира и вдобавок обладатель фантазии, какой не было, по-моему, ни у кого и никогда. И другой Станислав — Станислав Ежи Лец, великий автор ядовитых и точных афоризмов, — тоже, безусловно, мастер мирового класса, чемпион в своем жанре. Читывал, конечно, и Сенкевича, и Пруса, но никто из них событием для меня не стал. А современную польскую литературу не знаю совсем.

— Можете ли вы сказать о каком-нибудь влиянии польской литературы на Вас? Есть ли связи с польскими фантастами?

— Связей нет. О влиянии ничего сказать не могу. Лемом всегда восхищался, но никогда ему не подражал. Специалисты дружно говорят об очевидном параллелизме творчества Лема и АБС [Аркадия и Бориса Стругацких], но параллелизм этот, по-моему, не результат взаимовлияния, а скорее продукт очень похожей ментальности обоих авторов. Мы (не сговариваясь) воспринимали мир и человечество во многом одинаково и одинаково считали, что ничего придумать нельзя: всё уже либо существует где-то, либо возникнет со временем, либо существовало раньше.

— Лично с Лемом вам приходилось общаться?

— С Лемом я встречался не раз, это было в Ленинграде на 5-10 лет раньше, чем сам я поехал в Польшу. Он отлично говорил по-русски, замечательный собеседник, полемист, рассказчик.

— Кто вас переводил в Польше? Какие отношения у вас складывались с переводчиками на польский? Что Вам известно о судьбе переведенных на польский ваших текстов?

— Нас переводили многие и разные специалисты, но самый наш любимый переводчик — пани Ирена Левандовская, вдобавок еще очень милый и умный человек, с ней мы дружим вот уже лет сорок. В частности, по-моему, именно благодаря ее усилиям наше творчество так хорошо известно в Польше. Это многие и многие десятки изданий и переизданий в самых разнообразных польских издательствах. Все наши тексты без исключения в Польше переведены, Польша, кажется, занимает первое место в мире по изданию АБС, и даже сейчас, когда интерес к Стругацким за рубежом (если сравнивать с 1980-ми) заметно снизился, в Польше неизменно выходит два-три-четыре переиздания ежегодно.

— Ирена Левандовская сама переводила ваши книги или вместе с мужем Витольдом Домбровским?

— Сама. Витольд нами никогда не занимался, насколько я помню.

— Был ли у вас стереотип поляка? Что значит «типичный поляк»?

— Лично я знаю очень немногих, и материала, чтобы составить «статистически обоснованный» стереотип, у меня явно недостаточно. Пресловутые «гордость» и «кичливость» поляков — для меня пустой звук. Ничего этого я никогда у своих друзей и знакомых не замечал. Я вообще стараюсь

держаться подальше от любых стереотипов: стереотипы — всегда порождение невежества и убогого воображения.

— Есть ли у вас друзья-поляки? Как с ними складывались отношения? С кем из поляков вам хотелось бы подружиться?

— Есть несколько друзей, с которыми объединяют меня занятия литературой. Или филателией. Встречаемся мы крайне редко, но помним друг о друге и не перестаем друг другу симпатизировать.

— Вы бывали в Польше? Что это за страна? Изменилось представление о ней после личного знакомства?

— Польша — это первая «заграница», которую довелось мне посетить, и единственная, где я бывал неоднократно. В середине 1970-х я трижды наезжал в Варшаву (это был тогда наиболее естественный способ получить гонорар за издания за рубежом) и каждый раз проводил там пять-десять дней — наслаждался миром, который казался мне тогда вполне «западным», ни на что привычное не похожим и даже «почти свободным»: я ходил на американские фильмы, встречался с польскими диссидентами и запоем читал «тамиздат» (который в Польше существовал открыто и был общедоступен — по крайней мере, в личных библиотеках поляков). Конечно, все впечатления тогдашние мои были впечатления «туристо советико»: я наслаждался варшавскими кафешками, варшавскими магазинами и магазинчиками, встречами с обаятельными и приветливыми людьми... Это был совершенно новый для меня, почти фантастический мир, я знал, что он весьма далек от мира реального, но я вовсе не стремился узнать «правду», мне хотелось, «чтобы было весело и ни о чем не надо было думать», вот я и получал то, что хотел получить. «Туристо советико». «Облико морале». Я и тогда догадывался, а сейчас знаю точно: чтобы составить реальное представление о стране, мало побывать там туристом. Надо пожить там, и не просто пожить, а поработать, и не месяц какой-нибудь, а год-два как минимум. Такой возможности у меня никогда не было. Да и быть не могло: я домосед.

— Вы бывали в Польше один или с Аркадием Натановичем вместе?

— Я ездил либо один, либо с женой.

— Вы сказали о польских диссидентах. Вы не можете назвать имен? С кем из польских диссидентов Вы общались?

— Я не запомнил их имен. (Была только одна встреча). Помню, что один из

них был известный в те годы артист, но кто?..

— Вы учили когда-нибудь польский язык? Было ли время, что вы или люди в вашем окружении читали польские газеты? Кто-нибудь из близких выписывал польские журналы, газеты?

— Нет. С языками у меня всегда дела обстояли из рук вон плохо. Польский — не исключение. В середине 1970-х, помнится, мы с женой самым серьезным образом занимались польским (с самоучителем). Это желание возникло сразу же после первой поездки, нам казалось, что мы теперь часто будем туда ездить. Но задача эта оказалась нам не по плечу, ничего, конечно, у нас не получилось. Журнал «Польша», впрочем, читали мы всегда, как только он нам попадался под руку.

— Когда вы узнали о Катыни?

— Очень давно. Думаю, в середине 1960-х.

— Есть ли у вас чувство вины перед поляками?

— Нет. С какой стати? Нас гнобили и топтали одни и те же люди, одна и та же система, в одно и то же время — и поляков, и нас. Какое чувство вины? Перед кем? Разве что перед самими собою — за то, что молчали, за то, что терпели, за то, что не умели и не могли помочь себе и друг другу.

— Можно ли говорить о полонофильстве российской интеллигенции?

— Не знаю. Никакого особенного полонофильства я не замечал. Это, видимо, достояние русской (девятнадцатого века), а не советской интеллигенции.

— Что вам известно о польском антисемитизме? Сталкивались вы с ним когда-нибудь?

— Не сталкивался, слава Богу, никогда, но слышал и читал о нем достаточно. По-моему, польский антисемитизм ничем от русского не отличается. Да и от немецкого, впрочем, тоже.

— Какова роль Польши в истории нашей страны? Как должны развиваться отношения между нашими странами? Что зависит от нас?

— Исторически Польша с незапамятных времен включена была в «сферу влияния» России. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Соответствующий менталитет и сегодня жив, хотя и находится при последнем издыхании после распада СССР и Варшавского пакта. Впрочем, этот сфинкс — из той поганой породы, что норовит возродиться при первой возможности и с прежней силой. И от нас как всегда зависит очень мало: оставаться антиимперцами на горячих, еще шевелящихся руинах распавшейся империи.

— Как вы относитесь к последним изменениям в отношениях между нашими государствами после аварии польского президентского самолета 10 апреля 2010? С чем они связаны? Долго ли продлится это потепление?

— Это потепление — видимо, результат общего изменения внешней политики последнего времени. В чем причины — можно только гадать, но в любом случае я это потепление приветствую, а в отношении Польши — особенно охотно.

Записано в Петербурге 18 мая 2010 для книги Татьяны Косиновой «Последний польский миф: диссиденты, социологи и писатели о польских влияниях в 1950-е — 1980-е».

ЗАЧЕМ ЕВРОПЕ КРАКОВ?

«Понятие Европы всегда было понятием шатким и неточным (...). Зато оно пробуждает определенные ассоциации и — смею предполагать — учащает сердцебиение». Несомненно, это меткое замечание поэта. Видимо, каждый из нас реагирует на данное понятие собственными, оригинальными представлениями и особыми эмоциями, поскольку у нас разный опыт, разные устремления, разный культурный багаж. То, что при мысли «Европа» я вижу определенную разновидность городского ландшафта, некий тип идеального пейзажа — не в смысле живописных гор или широких речных долин, а скорее определенной культуры, оставившей свой зримый след, который удастся прочесть в ландшафте, — является, несомненно, производной моего образования и профессиональной деятельности в качестве градостроителя и искусствоведа.

Каков же этот ландшафт? Я бы сказал, что это прежде всего материя определенной плотности и насыщенности, ландшафт «от города до города», где за вторым или третьим поворотом дороги появляются очередные башни либо компактные группы домов, где взгляд непрестанно соприкасается со следами деятельности человеческой руки и мысли. В такой структуре есть свои густо, хотя и неравномерно размещенные узлы, особенные места. Их образуют городские комплексы, которые в массе своей принадлежат, по сути дела, к единому типу, — хотелось бы сказать, что они определяются одной и той же парадигмой европейского города. Это видимый издалика силуэт, полный башен и куполов, остатки средневековых укреплений, городская площадь с парадной ратушей как репрезентативным символом городского самоуправления или городской свободы, это университет, вросший в градостроительную ткань, кафедральный собор, представляющий собой чудесное, неупорядоченное собрание антикварных произведений самых разных эпох и стилей. Временами тут бывают римские следы и почти всегда — неизгладимый отпечаток средневековья, который прослеживается хотя бы в путанице узких улочек, по-прежнему бурлящих жизнью. А к этому — богатые фасады монументальных объектов (вроде оперных и драматических театров, железнодорожных вокзалов) XIX в., когда именно Европа в цивилизационном и материальном смысле вела за

собой весь мир, и, наконец, вдоль улиц — множество небольших магазинов, посещаемых многочисленными прохожими, а также кафе и рестораны, открытые уличному движению. Наверняка каждый из нас мог бы дополнить это описание. Мы ощущаем подобного рода действительность. Европа — это густая сеть таких городов.

Краков — город как раз из этого семейства. Добавим, что он числится среди 25 самых населенных городов Евросоюза и среди десятка с небольшим тех, чья урбанистическая система входит в «Список мирового культурного и природного наследия» ЮНЕСКО. Это город, который вместе с другими подобными создает традиционный европейский ландшафт. С башнями кафедрального собора, средневековыми внутренними дворами университетских коллегий и парадными зданиями академий, с феноменом средневекового ядра как наиболее живой и творческой части города. Там, где мы встречаем такие города, как бы далеко они ни располагались от духовного центра нашего континента — многоугольника Рим — Париж — Лондон — Кельн, — туда доходит западная, латинизированно понимаемая Европа. И территория, которую организует вокруг себя Краков, определяет ее рубежи. Причем в значительно большей степени, чем Львов, Кошице или Рига.

Но исторический город — это не только здания и даже не пространство между ними; это явление некоего постоянства и седиментации (оседания), где, образно говоря, какие-то картины висят в каких-то домах на тех же самых гвоздях на протяжении нескольких поколений. А университетские кафедры возглавляют без всяких сбоев ученики учеников. Не требуется сколько-нибудь глубокого знания истории для констатации того, что это измерение европейскости как силы традиции бесповоротно утратили Кенигсберг, Гданьск, Львов, Вроцлав, а также Варшава. Сменились сообщества, прервалась преемственность институтов, подверглась уничтожению внушительная часть собранных ресурсов наследия, а оставшая стала наследием тех обездоленных, кто лишен достояния и традиции. Краков на этом фоне представляется совершенно иным случаем, напоминающим скорее Прагу, Брно, Вену или венгерский Печ. А посему первый ответ на вопрос: «Зачем Европе Краков?» — мог бы звучать так: «Для подтверждения границ определенного рода воздействия, той своеобразной цивилизации, которая сильнее всего связана с европейским ядром».

Чтобы лучше разъяснить эту мысль, воспользуюсь сравнением. Начинает укореняться мнение, что традиционные европейские земледельцы — крестьяне — это не только производители продуктов питания. Продовольствие можно получать поточным промышленным способом или доставлять с других континентов. Европейские земледельцы — это скорее садоводы и огородники, хранители конкретного типа пейзажа. В этой роли они почти столь же необходимы, как и в роли производителей. Мы в состоянии построить другие города, быть может, даже более функциональные, более дружелюбные для жителей и окружающей среды, а также более дешевые в эксплуатации. Но чтобы сохранялась наша культура, нам необходима жизнеспособность и сила таких городов, как Порто, Лион, Флоренция, Дрезден, Йорк, Утрехт, Брюгге, Оло-моуц и Краков. Просто нам необходим тот тип пространства, которое мы идентифицируем как европейское. Мне, пожалуй, нет нужды на этом фоне добавлять, что у поляков есть большая проблема со своей столицей, которая не является таким городом. Скорее, она бурно разрастается, наползая на свои предместья да пригороды, и тянется ввысь небоскребами, словно азиатские или американские города. Это вызывает скорее заморозенность, чем симпатию либо чувство: «Я у себя дома».

Не будем, однако, идеализировать сверх меры. Такие города, как Краков, были затронуты уродствами тоталитаризма. Это моря напирających со всех сторон блочных зданий, идет ли речь о Вильнюсе, Братиславе, Лейпциге или Праге, это центры городов, утратившие свой престиж из-за приостановки на 50 лет законов собственности и рынка, — вот мера насилия, которое учинили над ними. Хотелось бы назвать их европейскими городами второй категории, поскольку они изувечены. И неизвестно, сотрутся ли когда-нибудь следы таких увечий.

Но есть и другой, совершенно отличный взгляд на роль и значение Кракова в европейском пространстве. Если до сих пор мы двигались в рамках метафоры «узел ландшафта», то сейчас хотелось бы обратиться к метафоре «окна». «Окна», через которое можно увидеть национальную культуру, традиции, устремления, необычные аспекты культуры, духовность, литературу и искусство. Среди особенных мест есть места, еще в большей степени особенные. До чего же превосходно можно показать феномен Германии через «окно» группы соседствующих между собой небольших городов Тюрингии: Йены, Эрфурта, Веймара и Эйзенаха, — где по-прежнему отчетливо читаются следы великой традиции немецкой

культуры от св. Бонифация и св. Елизаветы через Лютера, Баха, Гете, Шиллера, Гегеля и Шеллинга вплоть до Веймарской республики и Бухенвальда, расположенного вплотную к Веймару. Не надо долго путешествовать по Германии — уже на этой небольшой территории можно получить богатую, захватывающую, многомерную картину. Просто существуют такие исключительные места, через призму которых видно больше, а образ данной страны или народа становится при подобном взгляде более выразительным и красочным.

Разумеется, я сторонник тезиса, что Краков — такое идеальное «окно», через которое можно увидеть Польшу и поляков. Более того — «окно», через которое следует смотреть на Польшу и поляков. Возможно, дело обстоит даже так, что полякам хотелось бы, чтобы на них смотрели через «окно» под названием Краков, также, как немцам, — через «окна» Франкфурт или Веймар.

Значение здесь имеет не столько красота города или материальные следы его прошлого, сколько скорее духовная и культуротворческая сила. Думая «Краков», мы без труда вызываем целую галерею фигур от Коперника до Костюшко, далее — до создателя возрожденного Польского государства Юзефа Пилсудского и вплоть до Иоанна Павла II. А рядом еще и необыкновенная коллекция творцов: от нобелевских лауреатов по литературе до композиторов и таких людей театра и кино, как Тадеуш Кантор или Анджей Вайда. Художников, значение которых выходит далеко за рамки национальной культуры. И это не случайно, что в 2000 г. Краков носил звание Европейской столицы культуры.

Добавим также третий взгляд — связанный с экономическим измерением. Это парадоксально, но наиболее динамично развивающимися государствами Евросоюза оказались новые страны-члены. Их вхождение в 2004 г. в сферу единого рынка было живительным фактором, в некотором смысле повышающим конкурентоспособность всего ЕС. Новые страны предложили новые ресурсы более дешевой и при этом неплохо образованной рабочей силы. Они сделали также новыми рынками сбыта, да и сами стали поставлять новую продукцию. И вот что необычайно характерно: большинство новых стран-членов, в том числе Польша, имеет положительное сальдо товарооборота со старой «пятнадцаткой». Краков как крупный академический центр (свыше 200 тысяч студентов — одно из ведущих мест в Евросоюзе), а также город с большими резервами молодой рабочей силы привлек значительный объем иностранных инвестиций в лице фирм, занимающихся

информатикой («Motorola», IBM), инженерными работами («Delphi», «Siemens»), консалтингом («Ernst & Young»), бухгалтерским учетом («Philip Morris») или аутсорсингом (привлечением внешних исполнителей) («Capgemini»). Сравнение с индийскими городами новых технологий вроде Бангалора или Хайдарабада не будет чрезмерным преувеличением. Размещение подобного рода сервисно-обслуживающей деятельности в Кракове — или, шире, в городах, подобных Кракову, — с одной стороны, означает тотальную перестройку всей экономической основы города, а с другой — повышает конкурентоспособность всего ЕС как экономического пространства.

Каждая из названных трех функций Кракова:

- как города, формирующего европейскую самобытность окружающего пространства,
  - как своеобразного «окна» в Польшу и ее культуру,
  - как места расположения для фирм «новой экономики» в новой части европейского экономического пространства —
- бросает вызов органам самоуправления города и всего региона, а также определяет их действия.

Ответ на первый вызов означает заботу о ресурсах культурного наследия, а также о качестве политики территориального и социального развития города, которую следует проводить так, чтобы он не утратил своего характера.

Управление процессами обновления в динамичной фазе развития экономики, получившей потенциал широкой свободы, — это непростая задача.

Ответ на второй вызов, «окно» в Польшу, — это прежде всего обязательство вести амбициозную культурную политику в городе, правильно пропагандировать его, а также строить широко понимаемую инфраструктуру для культуры и так называемых индустрий культуры.

Ответом на третий вызов должна стать экономическая политика города, понимаемая как система построения инфраструктуры для бизнеса, забота о надлежащем развитии людских ресурсов и поддержка научной деятельности в режиме «исследование + внедрение». Хотелось бы сказать несколько слов о каждом из этих аспектов городской политики развития.

Политика охраны наследия осуществляется через специальный, систематически пополняемый из центрального бюджета Национальный фонд восстановления памятников старины Кракова, которым управляет Общественный комитет реставрации памятников старины Кракова (традиционно формируемый президентом Речи Посполитой). В этом году комитет отмечает тридцатую годовщину своего основания. Краков — единственный польский город, имеющий такой фонд. Стоит подчеркнуть, что расходы, программируемые Общественным комитетом, притягивают по меньшей мере еще столько же денег из частных и муниципальных средств. Фонд имеет на своем счету большие достижения в виде реставрации большинства монументальных объектов города. Однако ни уровень его средств, ни способ распоряжения ими не решают мучительную проблему массовой деградации городской субстанции, относящейся к XIX веку. Прогресс, хотя и небольшой, является здесь заслугой действий частного капитала, всё смелее и всё осознаннее вступающего в сферу старинных объектов недвижимости. Появляются также первые коммунальные (муниципальные) программы их спасения, например программа обновления фасадов. Надежда возлагается на выделенные на 2007–2013 гг. европейские фонды для восстановления городов, которые могут внести подлинный перелом в реставрацию градостроительных массивов XIX и XX вв., определяющих образ Кракова. Заслуживает внимания и тот факт, что средства ЕС составляют почти половину всех польских общественных средств, предназначенных на развитие, а их роль уже сейчас заметна, в том числе и в такой области, как реставрация и обновление памятников старины.

Культурная политика — это, во-первых, строительство новых объектов культуры, создание нового пространства для искусства. До конца этого года будет сдано в эксплуатацию новое здание Краковской оперы. Идет строительство главного здания Музея авиации, а также очередных объектов Музея городского инженерного хозяйства. Готовы проекты Театрального центра Тадеуша Кантора («Криотеки»), Музея современного искусства, Медиатеки и крупного Центра конгрессов с главным залом на 1800 мест. Недавно Ягеллонский университет отстроил свою Auditorium Maximum (Большую аудиторию) на 1200 мест, которая используется и для культурных целей. Все это стало возможным благодаря значительной поддержке Евросоюза, достигающей половины расходов. Культурная политика — это также реформа, которую претерпели краковские фестивали, интегрированные ныне в одну программу фестиваля «Шесть чувств». Наивысший ранг в его рамках получили музыкальные события вроде фестивалей

«Misteria Paschalia» («Пасхальные мистерии» — музыка барокко в исполнении крупнейших европейских музыкантов) и «Sacrum Profanum» («Церковное и мирское» — современная музыка отдельных стран с участием мировых звезд и ансамблей). Оба они воспринимаются как важнейшие музыкальные события в Польше. О честолюбии Кракова пусть свидетельствует факт, что свыше 5% своего бюджета город выделяет на культуру, причем к этому следует еще добавить предназначенные на эти цели региональные и централизованные средства. Именно из этих дополнительных источников содержатся самые дорогие учреждения культуры — такие, как оперный театр, главные музеи и оркестры. Эффектом этой политики является развитие туристического движения, а особенно культурного туризма. Количество тех, кто посещает Краков, достигло 6–7 млн. в год, из них число туристов, проводящих ночь в гостиницах, приблизилось к 2 миллионам (почти в три раза больше, чем число местных жителей). Для примера, в этом году читатели британской газеты «Гардиан» назвали Краков вторым городом мира с точки зрения туристической привлекательности (выиграл Сидней).

Касаясь экономических вопросов, следует подчеркнуть, что Краков располагает единственной в Польше особой экономической зоной для технологически продвинутых фирм. Ею пользуются прежде всего компьютерные и фармацевтические предприятия. Символичен тот факт, что главные спонсоры двух краковских футбольных команд высшей лиги — фирмы, занимающиеся телеком-мультипликацией и информатикой. Краковские учреждения бизнеса и науки объединяются в кластеры, специализирующиеся в таких областях, как науки о жизни, чистая энергетика и информатика. Эта деятельность на стыке научных исследований и бизнеса является той сферой, которая охотнее и щедрее всего финансируется из европейских структурных фондов. Поскольку следует предполагать, что в следующем «периоде программирования» (т.е. в бюджете ЕС на 2014–2020 гг.) этому направлению расходов — на развитие «регионов знания» — будет отдаваться гораздо большее предпочтение, чем нынешним затратам на тяжеловесную транспортную или экологическую инфраструктуру, то выстраивание институциональных возможностей в этих областях становится ключевым вопросом для нашего будущего. Такая стратегия дает отчетливый ориентир фирмам, интересующимся Краковом как местом размещения своей деятельности. Уже сегодня следствием этого стал резкий рост спроса на офисные помещения, а также на площади, связанные с логистикой и

складированием. В данном вопросе Краков уступает в Польше лишь Варшаве. Присматриваясь к этим тенденциям, стоит помнить, что послевоенный Краков разрастался как город при металлургическом комбинате им. Ленина, и вдобавок его окружили рядом предприятий тяжелой химической промышленности. На протяжении последних девятнадцати лет Краков провел практически полное изменение своей основы — большинство упомянутых заводов закрыты и разрушены, но при этом ликвидирована безработица и радикально увеличились налоговые поступления. Случай Кракова является образцовой иллюстрацией удачной экономической реструктуризации.

Подводя итоги рассуждениям на тему: «Зачем Европе Краков?», — можно было бы сказать так: «Благодаря Кракову европейское культурное пространство становится шире». Становится гуще и богаче за счет еще одного своего важного узла, может быть, даже одного из нескольких самых важных. Именно благодаря Кракову можно легче увидеть, познать и понять польскую культуру и польскую духовность, а следовательно, обогатить понимание европейской самобытности. И, наконец, Краков — одно из мест динамизации европейской экономики, такой, как она предлагается в лиссабонской стратегии: экономики, опирающейся на знания и обеспечивающей конкурентоспособность всего ЕС. Он одно из тех мест, где находит выход энергия поляков, полных решимости сократить в течение жизни одного поколения цивилизационную дистанцию, отделяющую нас от европейского ядра.

Краков и Санкт-Петербург. Наследие столичности. Krakow: International Cultural Center, 2009.

Фото 1. Церковь Тела Господня, церковь свв. Петра и Павла (с куполом), ратуша и Мариацкий собор, церковь Святейшего Сердца Иисуса отцов иезуитов, австрийский форт оборонительного кольца Кракова № 31, недостроенная высотка (т.н. «Скелетон»), «Голубая» высотка, железнодорожный мост.

Фото 2. Торговый центр М1, ТЭС в Ленге, ниже — вдхр. Плашувское, справа — вдхр. Багры.

Фото 3. Жилые микрорайоны, вдали — города Величка и Неполомице, на первом плане — Подгурское кладбище.

Фото 4. Каменоломня, возникшая в период неолита, с 1942 — нацистский концлагерь «Плашау». На первом плане — остатки лагерного ограждения, справа — промышленная техника и караульные вышки. История лагеря описана в фильме С.

Спилберга «Список Шиндлера». В центре, за деревьями — остатки виллы коменданта лагеря гауптштурмфюрера СС А. Гёта. Приблизительное число жертв лагеря — 800 тыс. человек, в основном евреев. В 1944–1945 гг. сотни тысяч узников были вывезены в лагеря смерти.

Фото 5. Фрагмент лагерной ограды, на заднем плане — курган Костюшко, ниже — церковь св. Станислава Костки, церковь св. Станислава на Скалке, церковь св. Иосифа на Подгурском рынке, церковь св. Екатерины и королевский замок Вавель.

ПОЛЬША В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ СОЦИАЛЬНЫХ АНАЛИТИКОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

В октябре–декабре 2009 новый портал «Cogita!ru. Общественные новости Северо–Запада» (медиа–проект Научно–информационного центра «Мемориал») и Центр изучения Германии и Европы при Санкт–Петербургском государственном университете провели 1–й открытый конкурс статей и эссе «Гражданское общество и решение социальных проблем в России и в Европе».

На конкурс принимались работы молодых российских социальных аналитиков — политологов, социологов, социальных психологов и антропологов, а также историков и экономистов, написанные по результатам исследования европейского опыта участия третьего сектора в решении социальных проблем, гражданских инициатив, взаимодействия гражданского общества и государства в европейских странах ЕС. Приветствовался сравнительный подход: европейский опыт в сравнении с российскими аналогами или близкими по форме и содержанию инициативами. В задачи конкурса входили популяризация социально–научного знания и социально значимого потенциала научной работы. Лучшими были признаны тексты, востребованные при практическом решении общественных проблем и написанные общепонятным языком.

Было получено более ста работ из Петербурга, Саратова, Самары, Перми и других городов. Авторы шести лучших работ стали победителями конкурса, были награждены дипломами и денежными премиями, их тексты были опубликованы на сайте Cogita!ru (<http://www.cogita.ru/analitka/konkurs-grazhdanskoe-obschestvo-i-reshenie-socialnyh-problem-v-evrope>).

Спонтанно получилось так, что современная Польша, опыт польских общественных и некоммерческих организаций, польские формы самоуправления граждан и социального предпринимательства стали объектами анализа, сравнения или образца для примеров в половине работ лауреатов — в трех лучших эссе из шести.

Свой выбор авторы исследований объясняют, как правило, близостью опыта6 Польша — не только восточноевропейская страна Евросоюза, но и посткоммунистическая, что «частично приближает ее к российским реалиям и российской истории». Поэтому опыт Польши «может быть очень ценным для России» — считает Марина Аларичева, студентка 5 курса факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, автор эссе «Социальное предпринимательство: опыт Польши».

Сближает нас также и «особый образ жизни, свойственный постсоветскому государству, — это сложность развития, особенно среди социально изолированных людей, уверенности в своих силах и активной позиции». Впрочем, подчеркивает Марина Аларичева, «увеличение групп нуждающихся — потребителей социальных пособий» замечено сегодня «во всех странах Евросоюза, независимо от модели социальной политики».

В России институт социального предпринимательства «только начинает свое развитие», поэтому автору важны «как успешные примеры, так и слабости и недостатки зарубежного опыта, для того чтобы более верно выбирать вектор развития и оценивать потенциальные риски и проблемы». В работе Марины Аларичевой описывается ситуация в Польше (предпосылки, правовые изменения, государственная активность, основные тенденции развития, конкретные примеры социального предпринимательства) и представляются выводы о возможности применения польского опыта в России, существующие и возможные проблемы его распространения.

С 2003 г. Польша идет по пути законодательного оформления и закрепления поддержки социального предпринимательства. С конца 1980-х в Польше развиваются социальные кооперативы, заимствованные из опыта Италии, учреждения профессиональной реабилитации, центры и клубы социальной интеграции. Опыт их развития автор считает нужным и возможным для применения в России.

«Как в Польше, так и в России первоочередной задачей стоит задача развития человеческого капитала — продвижение идеи ответственности человека, открытого к риску и желающему изменить мир вокруг себя. Это очень сложная задача, потому что быть пассивным в нашем обществе — это естественно и, что немаловажно, безопасно. Зачастую, проявляя инициативу, необходимо сражаться с обстоятельствами, отстаивать, спорить. И это не всегда тот путь, по которому любому хочется

идти. Тем более сложно для посткоммунистических стран, опыт которых оставил в ментальности людей превалирование государства над обществом, некую «всесильность» государства, которое может менять поведение и общественную реальность. Это также говорит о неразвитости гражданского общества, о недостатке инвестирования в человеческий капитал», — пишет Марина Аларичева.

В работе выпускницы Европейского университета в Санкт-Петербурге, социолога Анастасии Милой «Социальное сиротство, село и некоммерческие организации в России и Польше: точки соприкосновения, ценные уроки» польский опыт решения проблем беспризорных и безнадзорных детей приводится как успешный. Автор проводит «сравнительный анализ опыта работы российских и польских некоммерческих организаций в сфере защиты детей в сельской местности». Анастасия Милая считает, что «наиболее успешный польский опыт (...) может быть учтен при реформировании российской системы профилактики беспризорности, безнадзорности и социального сиротства».

Свое исследование Настя проводила во время стажировки для молодых аналитиков публичной политики (Fellowship Program for Young Russian Policy and Opinion Makers) в Варшаве, организованной Институтом общественных отношений (The Institute of Public Affairs) и Санкт-Петербургским гуманитарно-политологическим центром «Стратегия».

Свой выбор Польши Анастасия Милая объясняет так: «Россия и Польша имеют общий исторический контекст, который формально прерывается с распадом СССР. Однако отголоски старой системы слышны до сих пор. Особенно остро это проявляется в сфере защиты детей. Сложившаяся еще в СССР система профилактики беспризорности, безнадзорности и социального сиротства и формы работы с семьей поддаются трансформации очень медленно».

Положение безнадзорных детей в России и Польше несопоставимо. Когда в России, «согласно данным Федеральной программы «Дети России» на 2007–2010 гг., проживает 731 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей и 676 тыс. детей, находящихся в социально опасном положении», в Польше отсутствием проблемы детской беспризорности пытаются объяснить безуспешные поиски официальной статистики по их количеству.

Россия отстает от Польши в «деинституциализации системы детских учреждений». В Польше уже в начале 1990-х начали

целенаправленно уменьшать количество детских интернатских учреждений, проводить профилактику детского неблагополучия, реинтеграцию детей в биологические семьи, устройство их в семейные формы воспитания. При этом «российская социальная политика была переориентирована на деинституционализацию на десять лет позже, в 2000 году», — пишет Анастасия Милая.

В качестве примера польского опыта работы некоммерческих организаций в сельской местности, который может быть полезен в России, автор приводит проект «Pre-School Centers: A Chance for a Good Start» («Центры для дошкольников: шанс хорошего старта») фонда «The Comenius Foundation for Child Development», который нацелен на работу с детьми в возрасте от 3 до 5 лет и их родителями в сельской местности. Этот фонд «совместно с учреждениями муниципального уровня организовал альтернативные детские садики. Площадками для такой формы работы с детьми стали библиотеки, школы, и т.д., где 10–15 детей проводили 3–4 дня в неделю по 3–4 часа в день. Основной акцент ставился на 1) педагогическом развитии детей, а также 2) на активном взаимодействии с родителями. Для родителей и детей проводились программы помощи и поддержки (прежде всего психологической)».

Анастасия Милая считает опыт таких детских садиков модернизационным. «Совместная работа НКО и муниципальных учреждений привела и продолжает приводить к трансформации традиционных принципов работы. Муниципальные учреждения становятся не столько базой для реализации проектов, сколько партнерами в решении проблем. Для этого делается особый акцент на повышении квалификации сотрудников системы профилактики беспризорности, безнадзорности и социального сиротства (в частности, проводятся многочисленные тренинги). В результате общие усилия приводят к тому, что успешный опыт не просто учитывается муниципалами, а закрепляется в законодательстве. А это, тем временем, влечет за собой дополнительное финансирование и предотвращает закрытие социально значимых проектов».

Третью работу — эссе Диором Ахмеджановой «Жилищная реформа по-польски и по-русски» можно увидеть на страницах этого номера «Новой Польши».

В апреле 2010 объявлен 2-й открытый конкурс «Деятельность НКО (некоммерческих организаций) в Европе и России» (дедлайн — 20 июня 2010 года).

ЖИЛИЩНАЯ РЕФОРМА ПО-ПОЛЬСКИ И ПО-РУССКИ

Проблема «советского наследия» в жилищной сфере актуальна и для России, и для Польши. Однако объединения жильцов и общественные инициативы в этой области играют в двух странах совершенно разную роль.

«Советское наследие»

Коллапс социалистической системы повлек за собой массу политических и социальных процессов в Восточной Европе. С распадом восточного блока и Советского Союза страны Восточной Европы столкнулись с множеством вызовов, обусловленных необходимостью построения рыночной экономики, развития институтов частной собственности, созданием и развитием новых типов политической системы.

Жилищная сфера также была подвергнута длительному реформированию.

Собственность на жилье в советский период в большинстве случаев была государственной. В Советском Союзе в частной собственности находился жилищный фонд, построенный жилищно-строительными кооперативами и составлявший к началу 1990-х годов 12,5% от общего жилищного фонда (1).

В целом распределение права собственности на жилье в Советском Союзе и Польской Народной Республике кардинально различалось. К 1990 г. доля частной собственности на жилье в Польше составляла 40,2 % (2), в то время как в СССР в частной собственности было 32,6% жилого фонда. Однако при этом следует учитывать, что эта примерно треть жилья на 61,2% составляла жилье в сельской местности (так называемые «частные дома»). Соответственно, структура собственности на жилье в ССР и Польше значительно отличалась.

В Польше, как до Второй мировой войны, так и после нее активно развивалось строительство жилищных кооперативов. После Второй мировой войны в Польше, как в других странах Европы, жилищная проблема стояла особенно остро. В декабре 1945 г. был принят декрет, в соответствии с которым собственность на жилищный фонд объявлялась

государственной и граждане решали свои жилищные проблемы в порядке очереди. Однако уже в 1957 г. с экономическим ростом был принят Устав о передаче государственного управления жилищным фондом в местные органы власти. В результате выполнения этого устава сформировалась такая жилищная система, при которой граждане получали жилье либо бесплатно, либо за небольшую стоимость и становились членами многочисленных и крупных жилищных кооперативов. (3)

В 1961 году Советом Министров ПНР был принят закон «О жилищных кооперативах и союзе», таким образом «Союз жилищных кооперативов» становится руководящим органом и «Национальный съезд делегатов жилищных кооперативов», проводившийся на регулярной основе преобразуется в постоянную организацию (4). В 1982 году вступает в силу закон «О кооперативном праве» (5), в результате этого руководящим органом жилищный кооперативов становится «Местный совет кооперативов», координирующий деятельность жилищных кооперативов и в настоящее время.

В какой-то степени эта форма организации жилищного фонда была сходной как в советской России, так и в социалистической Польше. Однако здесь имеется ряд структурных отличий, которые влияют и на современную ситуацию.

Российские жилищные кооперативы, безусловно, были зависимы от государства. Собственность на жилье в таких кооперативах не была полностью частной, но в то же время все вопросы, связанные с благоустройством и капитальным ремонтом были в сфере ответственности этих кооперативов. То есть, по сути, еще в советское время мы могли наблюдать островки жилищного самоуправления. Но такая форма организации жилищного фонда не была распространена.

Жилищные кооперативы в Польше времен Польской Народной Республики частично (до 90% стоимости) являлись собственностью государства, получая от него огромную материальную поддержку. Например, в виде проводимых капитальных ремонтов. Причем размер таких кооперативов доходил до нескольких десятков домов в одном кооперативе. Фактически, с точки зрения экономики, такая форма организации жилищного фонда мало отличалась от большинства многоквартирных домов в Советской России — практическое отсутствие частной собственности, юридическая и материальная ответственность государственных структур за состояние жилищного фонда, преференции в виде искусственно заниженных тарифов на коммунальные и

жилищные услуги. Существенное отличие здесь заключалось в том, что практики выработки совместных решений, самоорганизации, формирования сообщества были конституированы сверху польским государством и в той или иной степени развивались в рамках жилищных кооперативов.

В советской России такие типы социального взаимодействия в большинстве случаев формировались только в рамках немногочисленных жилищных кооперативов. Как мы видим, в Польше было много жилищных кооперативов, которые почти не были самостоятельными и пользовались поддержкой государства. В Советском Союзе же жилищных кооперативов было крайне мало, но зато они были более самостоятельны и в большей степени смогли развить навыки и практики самоуправления и самоорганизации.

Такая система управления жилищным фондом в «советские времена» обусловила дивергенцию в формах и результатах проводимых жилищных реформ в Польше и России в последние два десятилетия.

Однако общее социалистическое прошлое стало базисом для некоторых сходств в методах и результатах проводимых реформ.

Данная статья как раз рассматривает сходства и отличия жилищной сферы и степени участия граждан в процессах жилищного самоуправления в Польше и России.

Время реформ

Процесс жилищной реформы в России можно разделить на три основных этапа.

Первый этап начался в 1991 году принятием Закона «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», принятого Верховным советом РСФСР 4 июля 1991 г. — №1541 (6). Этап приватизации будет закончен в марте 2010 года. Приватизация жилья закрепляет права собственности на жилье и соответствует декларированным принципам частной собственности.

Второй этап начался в начале 2000-х годов приватизацией и разукрупнением предприятий жилищно-коммунального хозяйства.

Третий этап направлен на создание как можно большего количества товариществ собственников жилья с целью переноса ответственности за жилищный фонд на объединения

собственников. Этот этап был начат еще в 1996 г. с принятием закона «О товариществах собственников жилья». Затем этот этап был интенсифицирован в результате принятия нового Жилищного кодекса (2005), и получил свое наибольшее распространение за последние два года в связи с принятием Федерального закона №185. В соответствии с этим законом, дома, нуждающиеся в капитальном ремонте и создавшие товарищество собственников жилья, имеют приоритетное право на получение финансирования для проведения капитального ремонта от государственной корпорации «Фонд содействия реформированию ЖКХ».

Польша также столкнулась с необходимостью проведения жилищных реформ. Процесс реформирования управления жилищной сферой шел с середины 1980 х годов. Но на уровне государства активный процесс приватизации жилищного фонда был запущен в 1994 г. с принятием закона о собственности на помещение (*ustawa o własności lokali*) от 24 июня 1994 г., вступившего в силу 1 января 1995 (7).

В этом законе было переформулировано понятие права на жилье — жилье официально стало объектом частной собственности (8).

Органом самоуправления кооперативов на уровне всей страны является Всепольский совет кооперативов (*Krajowa Rada Spółdzielcza* – в публикуемой работе это название здесь и далее переведено как Местный совет кооперативов. — *Ред.*), который на данный момент представлял собой гибрид государственного комитета и неправительственной организации. Такой странный тип стал порождением системы польских жилищных кооперативов. Всепольский совет кооперативов являлся по сути «министерством жилья», как и в ПНР, где он был призван не только заниматься обслуживанием и управлением жилищного фонда посредством координации деятельности всех жилищных кооперативов, но и соблюдать интересы государства, как основного собственника жилья в социалистической Польше.

Глобальные политические и экономические изменения не могли не затронуть деятельность и этой структуры. На данный момент Всепольский совет кооперативов является полугосударственной структурой, имеет ряд полномочий, определяет векторы польской жилищной политики и имеет влияние на жилищные кооперативы, являясь главным органом управления в жилищной сфере. С другой стороны, процесс приватизации жилья и рост жилищных товариществ (*wspólnot mieszkaniowych*) (аналог российских товариществ

собственников жилья) маргинализирует деятельность Всепольского совета кооперативов.

Процесс приватизации жилья, активно начатый в Польше в 1994 г., стал еще одной проблемой в реформировании жилищной сферы, так как вопрос о разделе собственности государства и сфер ответственности в жилищной сфере стал предметом экономических интересов как самого населения, так и различных лоббистских групп.

Аналогичная ситуация наблюдается с приватизацией придомовых территорий и земли под жилыми домами. До недавнего времени приватизация проводилась по заниженным тарифам, правовые принципы закрепления прав собственности на землю среди членов жилищных кооперативов не были выработаны. В связи с этим в 2007 г. процесс приватизации земли был приостановлен решением польского Конституционного суда.

«Вопрос о земле» стал проблемой не только для польских собственников жилья, но и для российских жилищных объединений. Несмотря на четко выработанную юридическую процедуру процесса передачи прав собственности на землю товариществам собственников жилья и жилищным кооперативам, жилищные объединения сталкиваются с рядом сложностей при оформлении прав собственности на землю. Официальная причина возникающих сложностей — отсутствие кадастров городских земель и планов межевания территорий. По мнению ряда экспертов, причины сложностей с оформлением прав собственности на придомовые территории — не столько технические, сколько экономические: земля является серьезным ресурсом, которым никто не хочет делиться «за просто так».

Общественная инициатива

Вернемся к польским жилищным кооперативам. Всепольский совет кооперативов на данный момент пытается совместить в себе функции жилищного департамента, департамента по управлению государственной собственностью и общественной организации. Формально основная его цель — обеспечение обслуживания домов, проведение жилищной политики, активизация граждан и повышение уровня самоуправления. Фактически, по опыту общения с исследователями и представителями общественных организаций, напрашивается вывод о том, что Всепольский совет кооперативов не столько проводит жилищные реформы в Польше, сколько тормозит их. Гибрид государственного комитета и общественной

организации более или менее успешно справляется с регуляторной функцией, например находится в тесном сотрудничестве с антимонопольным бюро, что помогает регулировать тарифы на коммунальные услуги, так как такие услуги предоставляются монополистами.

Монополизм на рынке коммунальных услуг обусловлен не столько политическими или экономическими причинами, сколько техническими особенностями. По сути своей компании-поставщики коммунальных услуг — это естественные монополии.

Но Всепольский совет кооперативов имеет отрицательное влияние на развитие самоуправления в жилищной сфере. Те немногие неправительственные организации, которые работают в жилищном секторе, по большей части находятся с ним в постоянной конфронтации.

Обе стороны используют набор аргументов, применяемых и в России.

Государственные (и муниципальные) структуры заявляют о «слабости гражданского общества», «большой ответственности» и «возможных катастрофических последствиях для малоимущих групп населения».

Неправительственные организации в свою очередь обвиняют оппонентов «от государства» в том, что «рынок жилищных услуг не либерализован», «муниципалитеты соблюдают коммерческие интересы», «не готовы к сотрудничеству с неправительственными организациями».

Как показывают данные, собранные в результате реализации проекта «Поддержка собственников жилья» (Фонд «Новая Евразия») в Твери, Перми и Нижнем Новгороде (9), и представители муниципалитетов, и представители неправительственных организаций действительно отмечают невысокую степень сотрудничества друг с другом при существующей заинтересованности. Однако респонденты с обеих сторон жалуются на отсутствие общих площадок, механизмов и регламента такого сотрудничества.

Аналогичная ситуация на данный момент в Польше. Наиболее активным актором в этой сфере является польское отделение «Transparency International» (10), работающее с польскими жилищными товариществами и жилищными кооперативами. Институциональные условия для развития польских жилищных НКО здесь более благоприятны, чем в России:

меньше сложностей с регистрацией, меньше проблем с организацией общественных акций. Несмотря на это гражданская активность в жилищных вопросах реализуется либо на уровне крупного международного игрока, либо «замыкается» на многочисленные академические исследования — в области экономической географии, экономики, социологии и политологии.

Почему в России больше жилищных общественных организаций, чем в Польше?

К сожалению, на данный момент объяснение именно этому феномену я могу дать только в виде гипотезы.

В отличие от России, где процесс создания жилищных объединений был интенсифицирован «сверху», этого не происходит в Польше. К моменту коллапса социалистической системы в Польше имелось огромное количество «заготовок» (11) для создания и развития жилищных сообществ в виде жилищных кооперативов и чуть больше 40% жилищного фонда находилось в частной собственности. Но в процессе жилищной реформы более существенный акцент был сделан не на реформировании этих жилищных кооперативов, а на реформировании рынка жилищных и коммунальных услуг: приватизация, демонополизация, где это возможно, система антимонопольных мер, развитие конкурентного рынка жилищных услуг.

Количество жилищных товариществ в Польше на данный момент невелико, в основном это товарищества, созданные во вновь построенных домах. Старые жилищные кооперативы, несмотря на приватизацию жилья, остались по сути таким же образованием, что и были в «советские времена» (12). Будучи более распространенными и пользуясь поддержкой государства, являясь по сути частью государства, жилищные кооперативы в Польше стали институтом, способным к устойчивому воспроизводству, и поэтому попытки реформирования этой сферы пока сложно назвать успешными.

Основная проблема этих кооперативов лежит на поверхности: обычно это огромные объединения, включающие несколько тысяч жителей. При такой структуре, конечно же, сложно говорить о какой-либо активности собственников и жильцов в жилищных кооперативах либо стремлении жилищных кооперативов создавать общественные организации для отстаивания своих интересов.

Функции жилищных кооперативов сводятся к организации обслуживания домов, входящих в состав кооператива, но никак не к повышению уровня самоуправления, участия собственников в процессе принятия решений. Жилищные кооперативы в Польше можно назвать организациями, но ответ на вопрос о том, являются ли они сообществами, скорее всего отрицательный.

В России, как ни парадоксально, количество жилищных НКО только растет; и во всё большем количестве городов либо уже созданы, либо уже запланированы быть созданными ассоциации жилищных объединений — ТСЖ и ЖСК. «Советские» жилищные кооперативы были немногочисленны и являлись не «заготовками», а практически готовыми жилищными объединениями, так как не пользовались столь обширной поддержкой государства, как в социалистической Польше. Необходимость создания жилищных объединений в такой ситуации стала не только задачей по формированию организации обслуживания домов, но и продиктовала усиление роли и вовлеченности собственников. Особенно актуальным это стало в свете до сих пор незавершенной реформы рынка жилищных и коммунальных услуг, который не столь либерален и конкурентен, как в Польше. Общественные объединения и организации создаются во многих случаях для того, чтобы сглаживать недостатки рынка, ориентированного на монополизацию, растущего из «советских ЖЭКов» и склонного к мошенничеству в условиях до сих пор не отрегулированной системы сертификации жилищных и коммунальных услуг.

В то же время в Польше очень развиты и влиятельны ассоциации и объединения нанимателей жилья, которые отстаивают более благоприятные и выгодные условия найма жилья. В России такие организации малочисленны и практически не имеют влияния. Этот факт свидетельствует о том, что вектор жилищной политики в рассматриваемых странах различен. В России делается ставка на «сознательного собственника», который в условиях интенсивных реформ осознает свои интересы и станет основой для жилищного самоуправления. Польская жилищная политика больше направлена на реформирование рынка и пытается сохранять основы социального государства, делая ставку на так называемое социальное жилье и постепенное развитие объединений собственников.

При таких различиях ряд проблем все же остается общим: монополизм в сфере коммунальных услуг — тепла, воды и газа,

слабая заинтересованность населения в возможности участвовать в принятии решений на уровне отдельного многоквартирного дома, а главное — борьба за ресурс в виде жилищного сектора, который является потребителем услуг на огромные суммы и претендует на приватизацию земельных участков.

Вопрос уплотнительной застройки стал «портить» не только москвичей и питерцев, но и варшавян — акции протеста можно наблюдать, даже если вы оказались в этом городе на неделю. И это хорошо, что их можно наблюдать.

(1) Andrusz Gregory. Housing Co-operatives in the Soviet Union. Housing Studies, vol. 7, № 2.

(2) Ясин Евгений. Политическая экономия реформы ЖКХ.

(3) Jankowski Jerzy, Brodzinski Marian G. Mieszkalnictwo w gospodarce rynkowej. (Жилье в рыночной экономике). Warszawa, 2004.

(4) Веб-сайт «Кооперативное жилье».

(5) Веб-сайт «Местный союз кооперативов».

(6) Утратил силу с принятием Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. №189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»

(7)

http://pl.wikipedia.org/wiki/Ustawa_o_w%C5%82asno%C5%9Bci_lokali, текст Устава.

(8) Jankowski Jerzy, Brodzinski Marian G., цит. соч.

(9) Отчет по этому исследованию представлен на сайте «Тысяча советов о жилье».

(10) См сайт организации. Один из проектов — «Прозрачный и эффективный контроль функционирования районной инспекции по надзору за строительством».

(11) Этот термин был использован одним из респондентов, польским социологом Аркадиушем Пейсертом, который изучает жилищные кооперативы в Польше и является автором книги «Spoldzielnie mieszkaniowe» («Жилищные кооперативы»), издательство Варшавского Университета.

(12) Это также устойчивое выражение большинства информантов при сопоставлении «до реформы» и «после нее».

Дилором Ахмеджанова — выпускница Европейского университета в Санкт-Петербурге, сотрудница Центра европейских исследований ЕУСПб. Публикуемая работа вошла в число победивших на конкурсе «Гражданское общество и решение социальных проблем в Европе». Текст написан по результатам стажировки для молодых аналитиков публичной политики в Варшаве, организованной Институтом общественных отношений (The Institute of Public Affairs) и Санкт-Петербургским гуманитарно-политологическим центром «Стратегия».

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Такого еще не бывало: в мае варшавский Дворец культуры и науки стал ареной соперничества двух больших событий в книжном мире — I Варшавской книжной ярмарки и 55 й Международной книжной ярмарки. Знатоки книжного рынка в один голос заявляют, что в столице нет места для двух столь подобных друг другу мероприятий. Одно из них с очевидностью не выдержит конкуренции. Кто знает, не проиграет ли ярмарка с более долгой историей.

Традиционная, организуемая фирмой «Ars Polona», Международная книжная ярмарка прошла во Дворце культуры 20–23 мая. А неделей раньше (13–16 мая) в том же месте состоялась I Варшавская книжная ярмарка, организованная группой издателей и фирмой «Murator Ехро». Гжегож Гудзовский, президент «Ars Polona», оценил такую конкуренцию как покушение на 55-летние традиции Международных книжных ярмарок.

— Своим реноме и солидным статусом ярмарка обязана стабильности и эффективному многолетнему сотрудничеству «Ars Polona» с организаторами международных книжных ярмарок по всему миру. Разрушение этой тонкой ткани столь некомпетентным и безответственным образом было бы нашей общей непростительной потерей. Здесь проиграют все, — считает президент «Ars Polona».

Варшавская книжная ярмарка — это инициатива ряда издателей и торгового объединения «Murator Ехро». Ее организаторы заявляют, что ставят себе целью не уничтожить Международную варшавскую ярмарку, а организовать многоплановое событие, которое будет служить пропаганде книги и других носителей литературы, знания и информации.

— Издатели стали инициаторами и совладельцами этой ярмарки. Мы ориентируемся на знаменитые примеры Лейпцига и Франкфурта. У нас хороший, проверенный партнер, — сказала Альдона Завадская, председатель объединения «Книжная ярмарка», во время торжественного открытия I Варшавской книжной ярмарки.

В этом мероприятии приняло участие свыше 320 экспонентов из Польши и из-за рубежа. Прошли также традиционные

встречи с авторами. Автографы на своих книгах ставили Томас Венцлова, Иоанна Щепковская, Мануэла Гретковская, Томаш Станько, Катажина Грохоля и другие.

Во время торжественного Вечера издателей, который прошел в день открытия Варшавской ярмарки (13 мая) во Дворце примаса, было сообщено, что министр культуры Богдан Здроевский присудил Золотые медали «Gloria Artis» двум поэтам: Ярославу Марку Рымкевичу и Эрнесту Брыллю. Увы, ни один из награжденных не почтил торжество своим присутствием. В кулуарах обсуждали, не было ли это проявлением политической ангажированности (оба лауреата — сторонники президента Ярослава Качинского), но этот вопрос остался без ответа.

Серебряную медаль «Gloria Artis» получил писатель и сценарист Анджей Мулярчик. Ему принадлежит, в частности, изданная в 2007 году киноповесть «Post mortem. Катынь», на основе которой Анджей Вайда снял фильм о катынском преступлении. Бронзовая медаль «Gloria Artis» присуждена Анджею Заневскому, автору многих книг поэзии и прозы.

Важнейшим же событием последнего дня Варшавской ярмарки было присуждение премии имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Жюри под руководством Малгожаты Шейнерт выбирало лауреатов среди нескольких десятков кандидатов со всего мира. Победителем стал Жан Харцфельд, автор книги «Стратегия антилоп» (издательство «Чарне»). Лауреат получил 50 тыс. злотых, а 15 тысяч — переводчик книги с французского Яцек Гищак.

Это третья из цикла книг Харцфельда, посвященных гражданской войне в Руанде. Репортер, писатель, многолетний военный корреспондент «Либерасьон» дает высказаться как убийцам, так и жертвам.

Международная премия имени Рышарда Капустинского — это форма награждения и пропаганды особенно ценных книг-репортажей, затрагивающих важные проблемы современности. Премию учредил Варшавский городской совет, соорганизатором конкурса стала «Газета выборча», а почетным патроном — вдова автора «Императора» госпожа Алиция Капустинская.

Во вроцлавском Музыкальном театре «Капитоль» уже в третий раз состоялась церемония присуждения поэтической премии «Силезиус». В нынешнем году лауреатами стали: по совокупности творчества — Петр Соммер, за книгу поэзии 2009

г. — Петр Матывецкий («Воздух и чернь», «Выдавничество литерацке»), за дебют 2009 г. — Якоб Манштайн («Венский high life», издательство Художественно-культурного объединения «Портрет»).

Говоря о премии по совокупности творчества, председатель жюри профессор Яцек Лукасевич подчеркнул, что Петр Sommer отмечен «за выдающееся, многостороннее и новаторское поэтическое творчество, которое оказало сильное влияние на язык польской поэзии в последние три десятилетия».

Ранее лауреатами премии по совокупности творчества были Тадеуш Ружевиц и Станислав Баранчак.

Имена лауреатов своей ежегодной премии объявила 4 мая также редакция «Литературы на свете». В категории прозы эту награду получили Эльжбета Цигельская за перевод с венгерского «Мессий» Дьёрдя Шпиро (W.A.B.) и Генрик Хлыстовский за перевод двух романов Гайто Газданова «Вечер у Клэр» и «Призрак Александра Вольфа» (PIW). Лауреатами премии «Мамонт», присуждаемой по совокупности переводческой работы стали Анна Колышко (посмертно) и Эдвард Бальцежан.

«Господин премьер-министр!

Над Польшей нависла опасность цивилизационного регресса. Обширные территории страны — это пустыни, жители которых лишены доступа к культуре, следствием чего стало углубление функциональной неграмотности, замедление роста интеллектуального богатства общества. Это происходит вопреки успехам польского изобразительного искусства, театра, кино, музыки и литературы, которые публично провозглашаются нашей общей гордостью», — так начинается письмо, которое направили Дональду Туску представители творческих кругов. В письме содержится требование повысить расходы государства на культуру как минимум до 1% бюджета.

Авторы петиции аргументируют: «На сегодняшний день государственный бюджет выделяет на культуру — то есть на развитие креативности, повышение качества жизни, формирование способности ответить на новые вызовы — только 0,36%. Эти ассигнования уже несколько лет регулярно уменьшаются, хотя ВВП Польши растет. Мы способны на большее! Культура может быть маховиком развития, в том числе экономического».

Чтобы их голос был услышан, организаторы, как и в случае гражданской законодательной инициативы, должны собрать не меньше 100 тысяч подписей в поддержку своей петиции. Прекрасным поводом для сбора подписей стала Ночь музеев (с 15 на 16 мая), когда несколько сот тысяч человек в Польше посетило музеи и другие культурные учреждения, подтвердив тем самым, что культура нужна польскому обществу. Свою подпись под петицией можно поставить в интернете на странице www.obywatele.kultury.org

Восстановила свой блеск усадьба в Желязовой-Воле, месте рождения Фредерика Шопена. В Шопеновский 2010 год преобразованный старый музей достиг европейского уровня. Прежде всего капитально отремонтирована усадьба: просушены стены, укреплены фундаменты, обновлена вся отделка и оборудование. Следующим этапом работ стало восстановление парка в его довоенном виде и строительство в нем новых павильонов из дерева, стекла и природного камня. Два новых здания построены по соседству от ворот: в одном помещается приемная и касса, магазин и кафе, а во втором — концертный зал и ресторан. Сооружена эстрада на берегу реки Утраты (которая уже не распространяет, как когда-то, зловоние). Позаботились также о новом интерьере усадьбы.

Работы продолжались пять лет и стоили свыше 70 млн. злотых. Усадьбу и обновленный парк можно сейчас посетить индивидуально с мультимедийным гидом, надев наушники. В Желязову-Волю стоит приехать!

А вот долго ожидаемый балет «Шопен», заглавную партию в котором попеременно исполняют Владимир Ярошенко и Сергей Попов, стал несколько меньшим успехом. Яцек Марчинский («Жечпосполита») написал после премьеры в рецензии, названной «Нудные юбилейные танцы»: «Это премьера в Национальной опере, подготовленная к 200-летию со дня рождения Шопена, была осуществлена так, чтобы не к чему было придраться, и о герое спектакля не говорит нам ничего нового, оставаясь в безопасной сфере банальности. Правда, либретто сочинил Антоний Либера — человек широкой литературной эрудиции. Автором хореографии стал известный Патрик Барт, связанный с Парижской оперой, имеющей лучшую труппу классического балета в Западной Европе. Но все-таки или порученная задача оказалась им не по плечу, или не хватило им смелости, чтобы выйти за пределы юбилейного зрелища».

Хотя в Закопане шел дождь со снегом, но майский фестиваль «Джазовая весна» привлек много меломанов. Скрипач с

мировой славой Найджел Кеннеди, художественный директор закопанского фестиваля, выступил на концерте с участием польских музыкантов.

— Великие артисты привязаны к своему искусству и к своим слушателям, — сказал Кеннеди в Закопане. — Это касается и легенд польской джазовой сцены: Януша Муняка, Ярека Сметаны, Роберта Маевского, как и более утонченных, чаще обращающихся к акустическим аллюзиям на фольклорные традиции, — таких как Кroke и Анна Мария Йопек, или также представителей самого молодого поколения джазменов — Петра Вылежола и Фриттати. Их музыка, одновременно и польская, и универсальная, преодолевает языковые, поколенческие и стилистические барьеры; будучи новаторской, она вместе с тем обращается к традиции. Именно эта открытость, искренность и правдивость в музыке идеально вписывается в пейзаж Татр.

И тут не могло обойтись без Шопена. Концерт, посвященный джазовым переложениям его музыки, открыл пианист Януш Олейничак. Затем Кеннеди и его гости представили свои авторские переложения. Джазовый Шопен имел большой успех в Татрах.

«Эффектный полонез в финале концерта вызвал энтузиазм публики, — написал джазовый критик Марек Душа. — Столь динамичного произведения в исполнении Найджела Кеннеди я никогда не слышал. Его оркестр впал в транс ритма, а он сам исполнил головокружительное соло, подпрыгивая и размахивая смычком, чтобы подчеркнуть кульминационный момент концерта. Предупреждение скрипача, что на своем фестивале он представит „несколько необычный взгляд” на музыку Шопена, было очень дипломатичным. Такого Шопена мы никогда раньше не слышали».

В Кракове продолжается ремонт Музея князей Чарторыйских. На время ремонта главнейшие сокровища коллекции перемещены в столицу. «Дама с горностаем» Леонардо да Винчи и «Пейзаж с добрым самаритянином» Рембрандта экспонируются в Королевском замке в Варшаве вместе с несколькими десятками других картин из этого прославленного собрания и замечательными произведениями европейского, а также восточного декоративно-прикладного искусства.

В первый раз в стенах одного польского музея удалось собрать наиболее ценные произведения искусства из наших коллекций. Наряду с «Дамой с горностаем» Леонардо можно увидеть всех

польских Рембрандтов: «Пейзаж с добрым самаритянином» рядом с двумя картинами голландского мастера из собрания Галереи Ланцкоронских в Королевском замке — «Ученый за пюпитром» и «Девушка в раме картины» (последнее произведение известно также как «Девушка в шляпе» или «Еврейская невеста»). Картины Рембрандта подарила Королевскому замку в Варшаве Каролина Ланцкоронская в 1994 г., а их подлинность окончательно подтвердил в 2006 г. известный специалист по Рембрандту профессор Эрнст ван де Веттеринг.

Выставку «Леонардо да Винчи — „Дама с горностаем” и другие шедевры из собрания Музея князей Чарторыйских в Кракове» можно будет посмотреть до 30 сентября.

Прощания

24 апреля умер в больнице после тяжелой автомобильной аварии Войцех Семён, знаменитый актер театра и кино, режиссер. Ему было 82 года.

Он играл во многих столичных театрах (например, в «Атенеуме», Драматическом, «Народовом», «Повсехном») и вне Варшавы. Был основателем и директором театра «Старая пороховница». Выступал также в кабаре «Под Эгидой». Занимался театральной режиссурой, преподавал в варшавском Высшем театральном училище. Он запомнился по многочисленным ролям в кино, в частности в «Косоглазом счастье», «Героизме», «Соли», «Земле обетованной», «Нет розы без огня», «Перед весной». Играл также в сериалах «Гражданская война», «Четыре танкиста и собака», «Дом», «Альтернативы-4», «Злотопольские». В 1979 г. в своей усадьбе в Петрикозах основал частную галерею искусства, где представлены собрания современной польской живописи и народного творчества.

28 апреля в Доме ветеранов польской сцены в Сколимове умерла Стефания Гродзенская. Ей было 96 лет. Она родилась в Лодзи, ребенком жила в Москве, в Берлине посещала балетную школу. Карьеру танцовщицы начала в знаменитом кабаре «Qui pro Quo» в Варшаве. Фридерик Яроши пригласил ее в труппу «Варшавского цирюльника», там в 1937 г. она познакомилась с сатириком и комедиографом Ежи Юрандотом — своим будущим мужем.

Поэтесса, писательница, артистка эстрады, ведущая Польского радио, автор сатирических текстов — Гродзенскую называли Первой дамой польского юмора. Она издала более десяти

сборников фельетонов, опубликовала воспоминания и биографические книги, в числе которых «Его родила Синяя Птица» о Фридерике Яроши. Элегантная, остроумная, она никогда не переставала интересоваться людьми и миром. Вместе с нею уходит теплая улыбка довоенной Варшавы.

29 апреля в Варшаве умер Рышард Матушевский — выдающийся историк литературы, критик и переводчик, автор школьных учебников, на которых выросло несколько поколений поляков. Ему было 96 лет. Среди десятков публикаций Рышарда Матушевского — «Опыты и мифы», «Польская литература. 1918–1939», «Польская литература. 1939–1991», «Мои встречи с Чеславом Милошем», «Дары дружбы и шутки Виславы Шимборской». Он опубликовал также очерки-воспоминания «Алфавит. Фрагменты из памяти 90 летнего». Литературные увлечения он делил с женой Иреной Шиманской (1921–1999), важной фигурой послевоенной литературной жизни, редактором солидных издательств PIW и «Читательник». «Это был человек-институт, — вспоминает Матушевского профессор Ягеллонского университета Ежи Яжембский. — Все обращались к нему, чтобы узнать, как литературные дела виделись глазами очевидца. Он всегда был там, где происходило что-то важное».

11 мая в Варшаве умер Мацей Козловский, популярный и любимый актер. Ему было 52 года. Выступал, в частности, в познанском Новом театре и варшавском театре «Студио». С 1997 г. — актер Национального («Народового») театра. Сыграл почти 90 ролей в кино — например, в «Псах», «Огнем и мечом», «Старой сказке», «Ведьмаке» и многих сериалах. Очень худой, с заостренными чертами лица, он чаще всего был занят в ролях негодяев, преступников и других «черных» образах. В одном из интервью он сказал, что обязан этим «извращенному воображению режиссеров». Мацей Козловский в течение нескольких лет боролся с тяжелой болезнью — гепатитом С. Несмотря на недуг увлекался спортом и был вовлечен в общественные дела, например в работу организации, поддерживающей борьбу с раком.

ПАМЯТНИК РАДИ ПРИМИРЕНИЯ

Мои корни — на Покутье, в краю, втиснутом между Прутом, Черемошем и Карпатами. Точнее, в деревне Рыбно (неподалеку от Кут, где 17 сентября 1939 г. состоялось последнее заседание правительства Второй Речи Посполитой). Про Рыбно мне рассказывали мама с бабушкой, и из их воспоминаний всплывала картина польской деревни, где украинцев было больше, чем поляков. Ребенком я не мог понять, что их так притягивало к Польше. Не понял даже в средней школе, когда учительница истории описывала меж- и послевоенный период иначе, чем в учебниках. Мое сознание сложилось позднее.

У людей, родившихся на тех землях Второй Речи Посполитой, которые сегодня принадлежат Украине, молодость ассоциируется почти исключительно с этническими чистками. Травмирующие душу переживания выжгли в них клеймо горя, обиды и страдания, сужая видение польско-украинских взаимоотношений до черного и белого.

Не у меня одного приграничные корни, и не только я боролся с этой двойственностью. Романа работает в администрации гмины в Оборниках-Шлёнских, в Силезии. В течение десятков лет мы жили недалеко друг от друга, не зная об этом. А познакомились через интернет, и наша переписка насчитывает тысячу мейлов. Мы хотели понять, что же тогда произошло, хотели поехать туда. Из нашей дискуссии родилась идея связать молодежь из Покутья и Оборников. Проекту мы дали название «Нас связывает общая история».

Год 2004

Никакое туристическое агентство не предлагает трассу, которая бы нас устроила, и потому поездку мы организовали сами. В Кутах останавливаемся у Коли, который будет нашим хозяином и проводником. Он украинец, его жена Оксана родом из смешанной семьи. Из Кут до Рыбно всего лишь 8 километров. Мама боится. Прошло 60 лет, а в ее памяти по-прежнему живет ноябрь 1944 го: зарево подожженного костела и польских домов, стоны и пронзительные вопли умирающих. Она чудом избежала смерти.

Микроавтобус останавливается в том месте, где от шоссе из Снятына до Кут ответвляется дорога на Толоку — иначе говоря, среди лугов и зарослей над Черемошем. Здесь стоял костел, здесь похоронили убитых поляков. На основании старых фотографий мы устанавливаем, где был вход в костел.

Место, где стоял наш дом, мама узнаёт по колодцу. Сам дом бандеровцы сожгли, но колодец с четырехскатным козырьком уцелел; недостает только жестяного петушка. В отдалении видим старушку. Та пасет корову, присматривается и в конце концов подходит.

— Геленка? — она смотрит на маму.

— Как ты меня узнала? — мама раздражается плачем.

— А и как не узнать? Кто ж другой мог бы сюда приехать?

Это Мария, она помнит семью Томашевских. Известие о нашем приезде расходится быстро, жители Рыбно хотят нас увидеть. Невзирая на очевидную бедность они, когда мы будем уезжать, принесут яйца и соленые огурцы. Подарок от сердца.

Коля организует встречу по вопросу нашего проекта. Беседуем мы с сельскими головами и с директорами школ, предлагаем материальную помощь. Идея нравится. Но, когда выпитая водка делает свое дело, голова Кобаков (деревни по соседству с Рыбно) заявляет, что когда-нибудь украинцы станут покупать компьютеры полякам. Мы чувствуем себя неуютно. А после прощания мама слышит, как тот же деревенский голова бурчит что-то про «полячишек». Но зеленый свет проекту дан.

На Рождество получаем от Марии поздравления и письмо: «У нас есть предложение на месте вашего костела поставить памятник либо часовенку. Мы вам поможем».

Год 2005

Принимаем решение поставить памятник. Мы хотим, чтобы надпись на нем не корбила и не отталкивала украинцев, но в то же время напоминала о том, что произошло в 1944 году. Каким образом примирить эти два желания? Рождается мысль о дружелюбном и приемлемом для обеих сторон лозунге: «С вами до 1944-го» — по-польски и украински. А на памятнике — католический крест.

Это хорошее начало. Вскоре проект получает ход. Мы располагаем покровительством бурмистра Оборника и рекомендацией от вроцлавской Коллегии Восточной Европы.

Но нам нужны высокопоставленные, авторитетные опекуны, которые придадут нашим поискам денег подлинную убедительность. Канцелярия президента Квасневского отказывает. Мы принимаем это со смирением, хотя в интернете находим данные о президентском патронаже над мотоциклетным пробегом или над конкурсом на самое безопасное сельскохозяйственное предприятие в категории крупнотоварных хозяйств. Полную незаинтересованность проектом проявляет посольство Украины. Наше восточное партнерство приходится реализовать собственными силами.

Письма, отправленные украинским директорам и сельским головам, остаются без ответа. Наша добрая воля подвергается испытанию. Когда мы туда поедем, то окажется, что «оранжевая революция» смела большинство тех, с кем мы раньше встречались. Но не всех, а молчание — это проблема украинской психологии, формировавшейся на протяжении долгих лет коммунистического порабощения. «Любое сотрудничество польских учреждений с украинскими представляет собой тест доброй воли, настойчивости, выдержки и решимости. Для немецких учреждений оно было бы вдобавок еще и культурным шоком», — говорит нам украинский правительственный переводчик. Еще множество раз нам предстоит убедиться, что он прав.

И вот мы снова на Украине. Совершаем путешествие по следам предков. В Троице возле Заболотива зажигаем лампаду у памятника полякам, убитым Украинской повстанческой армией (УПА). «Трагически погибли 64 человека. Памяти тех, кто, оставаясь верными Богу и Отчизне, отдал жизнь 23 октября 1944 года. Соотечественники воздают им почести», — читаем мы надпись. Коля тоже читает. «Эдвард, что здесь произошло? Ведь это ж половина населения деревни!» — спрашивает он, когда мы уходим. Я кладу ему ладонь на плечо: «Это трудный вопрос, лучше не будем его обсуждать». Коля на несколько минут замолкает. Но в конечном итоге взрывается: «Там были немцы, переодетые украинцами!»

24 августа, в праздник независимости, на площади в Выжнице висят два флага: желто-голубой Украины, а рядом — красно-черный УПА. Это производит на нас удручающее впечатление, но Коле мы ничего на сей счет не говорим. В 2008 г. нам предстоит увидеть еще больше таких флагов.

В Рыбно знают, что мы приедем, и на школьном дворе нас приветствуют хлебом-солью. В составе комитета по организации нашей встречи — учителя и кто-то из роно. Речи, безотказная гармошка, выступления учеников. Мы вручаем

компьютер со сканером, лазерным принтером и динамиками. Дирекция школы приглашает польскую молодежь в Рыбно. Всё хорошо.

Вместе мы отправляемся на то место, где стоял костел. Трава на кладбище возле костела скошена и вывезена. Трудно совладать с чувством некой смущенной растроганности: украинское кладбище рядом с церковью запущено и не ухожено. Мы зажигаем лампы, молимся.

Май 2006 – май 2007

Группа молодежи из оборницкой гимназии едет в Покутье. В Рыбно их сердечно приветствуют. Организуют совместные экскурсии в горы, в Каменец-Подольский и Хотин. Неважно, что в микроавтобусе всего 18 мест, — можно поставить дополнительные табуретки. И их действительно ставят, благодаря чему еще десяток рыбненских детей тоже едут туда, где они еще не бывали.

Здесьняя учительница английского языка приглашает в гости польскую преподавательницу, которая опекает обе группы, и одну школьницу. Однако живут они у нее всего сутки. На следующий день приезжает свекровь и заявляет, что не желает видеть тут «полячишек». «Англичанка» плачет, но вынуждена считаться с мнением свекрови.

Потом молодежь из Рыбно приезжает к нам. Оборницкая гимназия и правление гмины обеспечивают программу пребывания. В момент прощания рыбненский голова спрашивает у мамы, почему та уехала. Мама не отвечает, она просто не в состоянии. А спустя несколько дней отправит в Рыбно письмо: «Дорогой пан Петро! Во время войны между нашими украинскими соседями и нами встали люди, которые для многих из вас сегодня являются героями. Очень прошу, чтобы Вы меня поняли, когда я скажу, что для меня они героями не были и никогда не будут. Можете со мной согласиться или нет, но я считаю, что люди, которые жгут костелы, не заслуживают уважения. Наш костел в Рыбно сожгли эти люди. Можете со мной согласиться или нет, но я считаю, что те, кто убивает других только потому, что те не принадлежат к их народу, совсем не-хорошие люди. 10 ноября 1944 г. в Рыбно эти плохие люди убили 23 поляков. Дорогой пан Петро, я не напишу, как они это сделали, потому что Вы наверняка мне не поверите. Однако же мы все-таки приехали к вам, а после того, о чем я сейчас написала, Вас может удивлять, что мы вообще так поступили. В этом, однако, нет ничего странного, так как мы приехали к хорошим людям,

составлявшим и в Рыбно, и по всей Украине в том трагическом 1944 году решительное большинство. Такие, как они, спасли мою жизнь!».

Мы не уверены в реакции. Но четко осознаём, что нашим взаимоотношениям будет теперь сопутствовать историческая правда.

Год 2008

Едем в третий раз. На сей раз — с надеждой, что памятник, обещанный сельским головой, будет поставлен. Но его нет и пока что не будет. «У нас случилось наводнение, — говорит Коля. — Кроме того, проблема и в деньгах. Всё это обойдется дорого, а у головы денег нет».

У рыбненского головы после наводнения существует и еще одна проблема: через неделю он выдает дочь замуж. Мы покупаем девушке два золотых сердечка. Его семья принимает нас гостеприимно, а мы поражаем их знанию украинских песен. Поём все вместе.

Беседуем о проекте памятника, оцениваем расходы, оставляем деньги. Не будет ли дальнейших проблем? Голова с улыбкой отвечает, что в Рыбно для всех будет честью, если этот памятник появится.

Год 2009

На Пасху мама звонит по телефону Коле. Поздравляет, желает всяческого добра. И тешит себя иллюзиями, что Коля как-нибудь упомянет о памятнике. Но он не упоминает. В мае и июне — очередные звонки и снова вопросы. «Пани Геленка, — нервничает Коля, — если бы тамошним головой был я, то памятник уже бы стоял!»

В июле звонит Коля; он уверяет, что памятник будет стоять к 28 августа.

Потом телефонный звонок в начале сентября — что уже стоит.

У нас желание на радостях задушить его в объятиях — через трубку.

Год 2010

В мае 2010 г., на Юрьев день, мы поедem в Рыбно уже в четвертый раз. Раньше в этот день после молебна и крестного хода гуцулы со стадами овец отправлялись на полонины. Этого

уже нет, но обычай молебна и крестного хода остался. Нам хочется, чтобы греко-католический священник из Рыбно и католический ксендз из Кут вместе отслужили мессу и возглавили этот крестный ход, в котором мы тоже хотим принять участие. И мы попросим, чтобы одним из этапов торжественной процессии стало посещение нашего совместного памятника. У нас такое чувство, что он точно так же был нужен нам, как и украинцам. Им, может быть, даже больше.

Записала Сильвия Фролов

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я решил нарушить принцип делать выписки исключительно из самой свежей прессы. Время такое: после смоленской катастрофы идет довольно вялая предвыборная кампания, вдобавок заглушенная гигантским наводнением.

«Коль тревога — взывай к Богу», — есть такая старая польская пословица. Вопросы веры, ее кризиса, попыток переоценки или углубления не принадлежат исключительно специальным или тем или иным образом связанным с Церковью изданиям — «Тыгоднику повсехному», «Знаку» или «Вензи» (называю самые известные), но возвращаются в широком дискурсе о состоянии польского культурного сознания, в том числе и религиозного. Наиболее выразительно это проявляется в поэзии, которая, впрочем, как подчеркивал в свое время ее выдающийся переводчик на немецкий Карел Дедечиус, имеет свое сильное представительство среди духовенства: от Кароля Войтылы, затем Станислава Пасерба, Вацлава Ошайцу, Яна Твардовского и до новой смены молодых священников-поэтов. Религиозные темы современной поэзии особенно сильны сегодня. Несколько хуже в прозе, где вопросы веры и сомнения появляются довольно редко и дискретно.

Тем более обращает на себя внимание факт, что эта тема в последние месяцы находит место на страницах светских журналов. Так, выходящий в Лодзи ежемесячник «Тыгель культуры» («Тигель культуры», 2009, №11-12/) собрал обширный блок текстов, озаглавленный «Проблемы со знанием, проблемы с верой», а последний номер варшавского литературного журнала «ЛитеРацье» (2010, №1; слово «рацье» значит «соображения») представил подборку материалов, обозначенных общим названием «Постхристианство».

Христианство, как это происходит уже два тысячелетия, несет ощущение кризиса, что, в моем понимании, означает очередные взлеты и пересмотры. Одно не подлежит сомнению: вопрос о том, как и можно ли вообще жить без Бога, возвращается в этом пространстве с достойной удивления регулярностью. Не подлежит также сомнению, что для Запада характерна довольно сильная секуляризация. В связи с этим на

страницах «Тигля культуры» Яцек Квасневский в очерке «Любовь, случайность или тайна?» пишет:

«Человек Запада по-прежнему жаждет Бога и ищет Бога. Возможно, не Того из скучных проповедей, катехизиса и святых икон. Большинству из нас проблема Бога не принесет бессонницы, но, будучи «вызванными к доске», мы обнаруживаем в себе веру, хотя часто далекую от догматов. Несмотря на все различия между странами, поколениями, уровнями образования и пестуемыми традициями, вопрос о Боге остается. Но звучит он тише. Секуляризация делает свое. По отношению к Церкви и организованным, традиционным формам культа мы набираем всё б?льшую дистанцию, но это не доказательство утраты жажды трансцендентного.

Богословы, особенно протестантские, и культурологи показывают, что таким явлениям, как десакрализация и дехристианизация, одновременно сопутствует возникновение новых форм поиска трансцендентного. Теодор Лукман назвал это невидимой религией. Она создается вне официального канона, перемещается в не слишком формализованные институты (например, клубы, фонды). Сфера священного, оставаясь вполне очевидной, определяется индивидуально. Возникает частная религиозность, называемая религиозностью скрытой, дисперсной, субъективной. В течение последних сорока лет зафиксировано очень много движений и явлений, направленных на поиск трансцендентного и поклонение ему вне традиционных религиозных институтов. Невидимая религия подтверждает тезис о человеке как религиозном существе, но одновременно становится серьезным вызовом для христианства. Поиск смысла и трансцендентного вне Церкви и официальных структур не устраняет трудных вопросов. Скорее, наоборот. Новая, слабо институционализированная религиозность, не скованная догматами, такие вопросы ставит смелее. Например о Божьей любви. Если Бог нас любит и всё время вмешивается в мир, чтобы его совершенствовать, почему Провидение допускает столько страдания?»

Далее в очерке говорится:

«Чтобы не ставить под сомнение всемогущество и любовь Божии при условии наличия зла, необходимо объяснить удивительное, избирательное действие Промысла Божия. Промысел здесь ключевая проблема. Ведь если бы Бог вел себя как Великий Часовщик и после завода мировых часов дальше бы их не трогал, Провидению было бы нечего делать, и не возник бы наш вопрос: почему одним Ты, Боже, помогаешь, а мимо несчастий

других словно проходишь безразличным? Поскольку, однако, Промысел действует, то это дополнительно затрудняет оправдание Бога в связи с существованием зла в мире. С моей точки зрения, Он действует произвольно и часто дурно, просто аморально. Как это примирить с утверждением о Его любви?

Я предлагаю разрешить эту дилемму утверждением, что любовь Божия реализуется одновременно в двух совершенно разных временных уровнях и масштабах действия. Назовем эти уровни: один — глобальной перспективой, второй — индивидуальной. Оба между собой тесно связаны, а сомнения в Божьей любви и всеилии или отрицание этих атрибутов Божиих в связи с существованием зла проистекают из непонимания, чего от каждого из этих уровней следует ожидать. В глобальной перспективе с горизонтом в сотни тысяч, а быть может, миллионы лет, Большой Божественный План Спасения посредством действия Промысла постепенно ведет мир к окончательному добру. Осуществляя это, Бог руководствуется любовью, но это любовь к целокупному творению. Он руководствуется также принципом рациональности действия, то есть стремится достичь запланированного конечного результата с помощью минимальных средств, то есть наименьшим вмешательством Провидения. (...)

Любовь Божия, реализуемая в этой глобальной перспективе, нам непонятна, ибо касается конечного добра в какой-то отдаленной временн?й перспективе. Живя короткий миг, трудно оценить смысл действий, рассчитанных на сотни тысячелетий или миллионы лет. Мы всегда оцениваем то, что видим, из нашей временн?й перспективы. И, по оценке столь эфемерных существ, как мы, Божий Промысел непонятен и совершенно произволен. Допустим, мы говорим о Шоах, а Церковь нам скажет, что тот или иной сподобился чудесного спасения. (...) Божья любовь в глобальном масштабе, непонятная для человека и превышающая его логику, проявляется одновременно в людском масштабе как направленное индивидуально каждому из нас обетование неслыханно щедрой компенсации за перенесенное зло».

И в конце:

«Представленное выше предложение — это, в принципе, богословие Промысла Божия и одновременно новая форма теодицеи, т.е. оправдания Бога в связи с физическим и моральным злом в мире. Это богословие, потому что это попытка понять «тайну» Промысла Божия. Это новая теодицея, так как учитывает не только классические элементы

(всемогущий и добрый Бог — и зло), но также и Промысел Божий, то есть активное действие Бога в истории. Действие Промысла обычно пропускается в теодицеях, что неверно. Его надо учитывать, ибо, хотя оно и дополнительно осложняет защиту тезиса о Божией любви, этот вопрос нельзя замалчивать и делать вид, что проблемы не существует, или ограничиться неисповедимостью путей Господних».

А на страницах «ЛитеРаций» Зигмунт Бауман говорит в интервью, озаглавленном «Постхристианство... или»:

«Лично я держусь дефиниции Лешека Колаковского, который источники феномена религиозности усматривал в утверждении о человеческой несамодостаточности (...). «Светскость» была бы тогда противоположностью понимаемой таким образом «религиозности», то есть проявлялась бы в объяснении природных явлений без отсылок к Божьим намерениям и в изложении человеческой истории без объяснений Божьей волей. Такая «светскость» не только не совпадает с атеизмом, но и вообще делает невозможным занять какую-либо позицию по вопросу о бытии Божием; такой спор превращается в несущественный для познания мира и места в нем людей. Единственное, что такая «светскость» осознанно постулирует, — это способность людского разума к полному объяснению мира и полному пониманию логики человеческой истории; иными словами, она пренебрегает существованием вопросов, по сути своей недоступных людскому познанию и пониманию. Если наш человеческий разум действительно способен охватить вселенную, вопрос бытия или небытия Божия оказывается несущественным для полной инвентаризации мира и попыток улучшить положение людей в мире».

Далее Бауман затрагивает вопросы добра и зла:

«Христианство, подобно другим ответвлениям постбиблейской религии, — это прежде всего способ жизни-после-изгнания-из-рая; жизни после вкушения плода с древа познания добра и зла и при неумолимой и невыносимой недоступности древа жизни (или бессмертия): способ жизни существ, осознающих собственную смертность и ничтожность предназначенного им срока жизни, но также и альтернативы зла и добра, то есть возможность прожить это время по-разному. Примирение этих двух сознаний — нелегкое дело. Можно подозревать, что и невозможное... Наверное, это единственный вопрос, в столкновении с которым нельзя обойтись без расчета на Бога, даже при признании человеческой самодостаточности. Христианство было попыткой (пожалуй, самой удачной)

примирения этих двух сознаний таким образом, чтобы оказалось возможным, так сказать, безопасное плавание между Сциллой квиетизма и Харибдой *carpe diem*.

Христианство сделало невыносимо краткую, в общем-то, жизнь (всегда слишком краткую по сравнению с чудовищной вечностью мира) временем весомым, важным, полным смысла — предопределяющим форму вечности (и единственным моментом, предопределяющим эту форму). Оно придало людскому выбору и поступку измерение, которого они иначе не имели бы: сделало различие добра и зла центральным вопросом земной жизни, орудием контроля смертных существ (вдобавок заклеянных печатью первородного греха) над их вечной судьбой и орудием спасения от бессилия. Но при этом христианство поставило нравственную личность, причем раз и навсегда, на перепутье. Одна дорога вела к жизни, полной беспокойства и угрызений совести, отягощенной невыносимым грузом ответственности гнетуще неопределенного содержания и подавляюще неясных пределов. Вторая обещала уберечь от мук неуверенности и от вызовов, превосходящих человеческие силы, — но в мире однозначных предписаний и запретов, сужающих до минимума область индивидуального выбора и область сомнений, с которыми иначе пришлось бы бороться в одиночку, а в данном случае разрешаемых властью безошибочной и гарантирующей спасение от последствий ошибок в обмен на послушание. (...) В нашу эпоху декретированного индивидуализма и фрагментации личности (и на нашей возделанной христианством почве) чувство «несамодостаточности», из которого возникла потребность в Боге и которое затем привело к конструированию Бога, вызывает лихорадочные попытки заполнить дыры после *societas* или *communitas* неожиданным *absconditae*. Одиночество нас пугает, паника охватывает при мысли о самом себе как единственном собеседнике, ибо тогда (...) мы увидим пустоту там, где должна показаться личность».

В заключительной части интервью Бауман говорит:

«Что бы ни означало неизлечимо противоречивое и спорное понятие «культура Запада», оно выковывалось и закалялось в христианской кузнице. Это родимое пятно проявляется в каждой детали, вместе с добавкой импортированных извне, в иных кузницах выполненных элементов, и в их переработке в ходе абсорбции и освоения. Христианство без «западной культуры», в сущности, немислимо, но то же самое относится и к «западной культуре» без христианства. Яйцо и курица? А может, всё-таки не яйцо и курица. Некоторые комментаторы

придают большое значение тому факту, что все три постбиблейских монотеизма были импортированы Западом из Азии, где они родились, в то время как в географической колыбели «западной культуры», в Греции и в Риме, всевластно царило многобожие... (...) Экуменизм был с самого начала, с миссии ап. Павла, христианской идеей; более того — идеей, конституирующей христианство как несомую граду и миру весть, что в грядущем Царстве Божием не будет разницы между эллином и иудеем. (...) Если идея экуменизма была извлечена со склада дел несколько спекулятивных и теорий, принимаемых аксиоматически, и помещена затем в цепь доктринальных дискуссий, то, скорее, не из-за смысла содержащегося в ней послания, а по причине преобразований его адресатов, а стало быть, и возможных способов реализации. Да и «град» и «мир» не таковы уже сейчас, как когда-то, — это еще в 1928 г. Пий XI отметил в энциклике «Mortalium Animos». С одной стороны, «град» сегодня, как правило, — конгломерат диаспор, весьма разнородных по обычаям и верованиям, но живущих повседневно в близком соседстве и изо дня в день общающихся между собой (то есть волей-неволей влияющих друг на друга и подвергающихся влияниям). А «мир» разросся до размеров планеты, что не могло не выявить его бесперспективно, безнадежно полицентрической сущности, обнаженной всё более очевидным банкротством монологических эксцессов из эры территориальных претензий и колониализма. На глобализированной планете реализация экуменического послания может осуществиться только в диалоге: единственной воображимой альтернативой остается отказ от экуменизма».

Я ВСЕ ЕЩЕ СЛЫШУ СТУК ЕГО ТРОСТИ

— Мы встретились в краковской квартире поэта. За окном его комнаты — стена, увитая диким виноградом, который переливается всеми цветами осени. Трудно не испытать волнения при мысли, что еще два года назад он каждый день на нее смотрел...

— Мне знакомо это чувство, тем более что октябрь был любимым месяцем Милоша. Он выразил это во многих своих стихах. Но я помню и то, как в последние годы жизни он просил: «Не говорите мне ничего об осени».

— Она начала «рифмоваться» ему с осенью его жизни?

— Наверное, и это тоже. А еще — со временем, когда человек размышляет о начале и конце. Это было хорошо видно по его лицу, когда он не диктовал. А диктовал он почти всё: письма, мейлы, эссе, заметки, со временем стихотворные произведения, — хотя, принимая меня на работу, заявлял, что не нуждается ни в какой секретарше.

— Когда он изменил свое мнение?

— При первой же встрече. В этом весь Чеслав — полный противоречий, весьма импульсивный, хотя невероятно сдержанный, что видно по его творчеству. Почти в каждом тексте, в каждой «собачонке» (из сборника «Придорожная собачонка»), то есть не то в прозе, не то в поэзии, он выражает свою странную, противоречивую природу. В одном из стихотворений он прямо говорит, что сам не может понять свою жизнь.

— При каких обстоятельствах вы впервые встретились с Милошем?

— В ноябре 1993 г. он стал почетным гражданином Кракова, и в связи с этим ему предложили приобрести квартиру — ту самую, где мы разговариваем. Он очень ее любил — она стала воплощением его мечты о месте.

— В окружении зелени, в центре, недалеко от Плант и в то же время в стороне.

— Совершенно верно. Люди, которые сюда приходят, часто говорят: «Боже, как здесь тихо!»

— **Вы тоже так отреагировали, когда пришли на улицу Богуславского поговорить о работе?**

— Это происходило не здесь. Кэрол Тигпен-Милош, вторая жена Милоша, сказала моей преподавательнице по поэтике из Ягеллонского университета, что Милош ищет секретаршу, чтобы вести переписку по-польски и по-английски, а также для решения административных вопросов. Поздней весной 1996 г. в кафе «У литераторов» на Каноничей, 7 — я работала тогда на втором этаже этого дома, сначала как студентка, потом как аспирантка, в Союзе польских писателей, в «Декаде литерацкой», в Краковском фонде культуры — Кэрол провела со мной обстоятельную, но симпатичную беседу. А спустя несколько дней я появилась у Чеслава (как мы с Кэрол его называли); тогда-то он и сказал: «Carol, I don't need any secretary». (...)

— **А потом?**

— Работа закипела сразу же. Я общалась с ним на протяжении последних восьми лет его жизни, когда человек, естественно, приобретает богатые знания о других. Он знал, как на мне пахать. А я... Ну что ж, даже если я чего-то не умела, не удовлетворяла его, то находила решения методом проб и ошибок. Меня радовала эта тирания.

— **Ему случалось спрашивать вашего мнения?**

— Да, но для меня это была каторга. Мало того, что я должна была обращать внимание на сам процесс работы, следить за бумагами, за письменным столом поэта, редактировать и записывать в компьютер, а в перерывах отвечать на звонки и помнить о графике дня, так еще и это «мнение»... В 2000 г. Польша была почетным гостем на Международной книжной ярмарке, которую должны были открыть Милош и Шимборская. В связи с этим Милош должен был написать что-то вроде речи, а поскольку он не выносил давления времени и навязанных тем, то мучился и терзался с этой работой ужасно. Мы переделывали текст несколько раз. Работа не шла. Он ворчал, брюзжал, бросал исписанные листы на пол. «Ну и как? — спросил он меня. — Что будем делать?» — «А может, прочитать стихи? — предложила я. — Потому что, знаете, этот текст так себе...» Милош пришел в бешенство. Кэрол вызвала меня к себе: «Ты что, не знаешь, что так говорить нельзя?! Посмотри, как он выглядит, как у него подскочило давление!»

Но главное, что речь мы переделали еще раз и, кажется, действительно вставили стихотворение.

— Это событие свидетельствует о том, какое огромное значение он придавал слову.

— О, да! Количество материалов, предварявших написание эссе или какого-нибудь другого текста Милоша, всегда было огромно.

— А стихи? Как они создавались?

— Обычно с утра он вставал и записывал стихотворение. Иногда это была строка, иногда лишь идея, а иногда почти законченное произведение. Стихи приходили к нему, он ворочал их в уме или записывал то, что явилось ему во сне, в свои знаменитые тетради. Если он одобрял текст, то заносил его в компьютер. Распечатку он клал в ящик стола, через некоторое время еще раз вносил небольшие или значительные исправления, опять записывал в компьютер, а распечатки откладывал в папку. Когда он начал терять зрение, да и рукой уже не так хорошо владел, то поступал точно так же, только в тетради стихи записывала я, и я же читала их ему вслух. Он диктовал исправления. Потом мы снова читали. Стихи откладывались в папку. Живя в культуре спешки и печатания всего, что взбредет в голову, мы не отдаем себе отчета, что значит поэтическое ремесло для человека, который больше семидесяти лет подряд пишет стихи. Милош ценил стихи больше всего. Откровенно говоря, только они его и занимали.

— Вас не убеждает выдвинутый Ежи Ильгом тезис об эскизности некоторых произведений в сборнике «Последние стихотворения»?

— Во-первых, что такое «эскизность» в контексте творчества Милоша, которое заключалось в обработке одних и тех же тем с разных сторон? И что такое «эскизность» в случае некоторых стихотворений из этого сборника? Этот тезис не убеждает меня главным образом потому, что он вводит в заблуждение современного читателя. Более трети стихов из сборника автор сам опубликовал в печати. Остальные я переписала и определила их окончательный вариант, как делала при жизни автора. Издательских мучений с выбором в этом сборнике вообще не было. Есть несколько вариантов нескольких строк, которые не влияют на мощное звучание книги в целом. Только один проект стихотворения я собрала из разрозненных непронумерованных страниц: это «Пан Сыруть», стилизация шляхетского сказа. Всё остальное Милош написал с полным

сознанием формы. Это вовсе не объедки со стола великого поэта.

— «Знак» издал «Последние стихотворения» спустя два года после смерти автора. Почему так поздно?

— Такова была его воля. За несколько месяцев до смерти Милош поручил мне собрать воедино содержимое папок и компьютера. Он досконально знал издательский процесс и аппетиты издательств, поэтому прекрасно понимал, что после его смерти у его старшего сына, наследника, будут с этим проблемы. Он попросил, чтобы я написала, что ни одно из стихотворений не предназначено для немедленной печати, а из разговора следовало, что «немедленная» означает сразу же после... Возвращаясь к эскизности: как я уже говорила, Милош ненавидел давление и спешку. У него был свой внутренний ритм, и когда он был готов, это означало полную готовность. Он господствовал над строками, интервалами, абзацами, у него была своя пунктуация, не всегда совпадавшая с рекомендациями словаря.

— Какое из «Последних стихотворений» стало действительно последним?

— «Доброта», над которой мы работали в декабре 2003 г., и окончательный вариант которой Милош одобрил 22 декабря. Помню, меня удивил в ней портрет человека-чудака. Конечно, я его ни о чем не спросила — я никогда его не спрашивала, такое мы приняли неписанное правило. Доброту он представил как состояние, которое может спасти людей.

— Как вы думаете, почему он умолк?

— Не знаю. Просто он так решил, но всё это было связано с его точно рассчитанным *ars moriendi*, то есть со временем, которое он отвел себе — и, может быть, прежде всего другим — на то, чтобы умереть. Конечно, нельзя исключать, что я еще найду в его бумагах какую-нибудь стихотворную форму, но она точно не будет относиться к последнему, 2004 году. Правда, он еще диктовал мне в больнице, но это уже не были стихи.

— Чтение последнего сборника — травматическое переживание. Здесь нет «цветных мисочек», которые Милош так любил ставить перед своими читателями. «Мне бы хотелось, чтоб Ты был», — обращается он к Богу. И всё.

— Пожалуй, немного больше. Присутствие Бога постоянно окружало его, о чем можно узнать из таких стихотворений, как

«Присутствие» или «Я молюсь». Кажется, что поэт говорит: «Я чувствую Тебя теперь и чувствовал раньше, когда был маленьким».

— А как вы чувствуете себя теперь в квартире Милоша на Богуславского? В ванной висит халат Милоша, мы пьем чай из болеславских чашек, купленных Кэрл...

— Мне всегда казалось, что Милош не был мне слишком близок, но после его смерти, после двухлетних попыток отстраниться от того, что я здесь пережила, я поняла, что на самом деле все обстояло иначе. Это стало для меня неожиданностью.

— Наверное, вас нередко спрашивают, как работалось с нобелевским лауреатом?

— Я отвечаю, что работается не с великим поэтом, лауреатом важных премий, а с человеком. Ты видишь его вместе со всеми его качествами, сознавая, что выше своей человеческой кондиции он не подскочит. Это меня спасало. Я думаю об этом, когда сижу в кабинете Кэрл, за ее письменным столом, за ее компьютером — она умерла раньше, хотя была на тридцать лет младше мужа, — и иногда ловлю себя на том, что жду, когда Милош меня позовет. Потом я прихожу в его комнату, в которой всё осталось по-прежнему: его письменный стол у одного из двух окон, сделанные на заказ книжные полки, кровать, столик из «Икеи», небольшой старый телевизор с наклейкой, приклеенной Кэрл, с номером моего мобильного телефона, любимые картины и фотографии. Сабля (когда-то он получил ее в подарок) и трость лежат в прихожей. С тростью он ходил по дому. Иногда мы шутили, что он меня ею огреет, если я сделаю что-нибудь не так. Стук этой трости, который я слышала на протяжении восьми лет, слышится мне до сих пор.

— После смерти Кэрл роль секретарши несколько изменилась. Наверное, вы никогда не догадывались, что вам придется вести дом?

— Нет. Правда, по большому счету это не было для меня ничем новым. Я делала это в отсутствие Кэрл — хотя бы когда она выезжала за покупками. Она любила ездить по магазинам — для нее это был своего рода отдых от старого мужчины, к тому же еще знаменитого, требующего терпения. Она садилась в свою красную «Тойоту Короллу» и гнала, иногда против движения. Заезжала в «Жеан», «Карфур», «Теско» — все те супермаркеты, которых не было тогда в Америке. Дом был на ней, а это нелегкая задача, когда не знаешь языка и обычаев страны, только входящей в капитализм. Она должна была

позаботиться о каждой домашней мелочи, заказать книжные полки, растения и занавески (Милош плохо переносил солнечный свет, и их сшили из обивочного материала) — ведь Чеслав всем этим не интересовался.

Она привела в порядок и обсадила растениями запущенный газон на середине двора. После ее смерти в 2002 г. я вошла в эту роль легко — Милош помог мне, не мешая. Завтрак должен был быть вовремя, обед... Ничего изысканного, хотя он обожал блюда, которые в его возрасте уже запрещены, — всяческие клецки, вареники, мясное. Он не был требовательным. Квартире, которая, как вы видите, была скромной, он не придавал значения. Важно было, чтобы хорошо работали компьютер, лупа, машина для чтения, принтер, телефон и люди из его домашнего окружения: пани Гося и пани Ага, пани Владзя и пани Крыся, и я.

— Произошла очередная смена ролей. Теперь нужно привести в порядок наследие.

— Когда-то я смеялась, разговаривая с живущим в Америке Антонием, старшим сыном Милоша и его наследником: «Знаешь, я ведь, собственно, не перестала приходить на работу...»

Беседу вела Данута Новицкая, 2006

Из книги: Agnieszka Kosinska. Rozmowy o Miloszu. Warszawa: Swiat Ksiazki, 2010.

Агнешка Косинская (1967 г.р.) окончила Ягеллонский университет по специальности «польская филология». Литературный критик, специалист по творчеству Чеслава Милоша, библиограф, литературный агент. В 1996–2004 личный секретарь Милоша. Хранительница квартиры и архива поэта в Кракове, а также ответственная за передачу авторских прав на его произведения. Руководитель проекта «Международная библиография Чеслава Милоша».